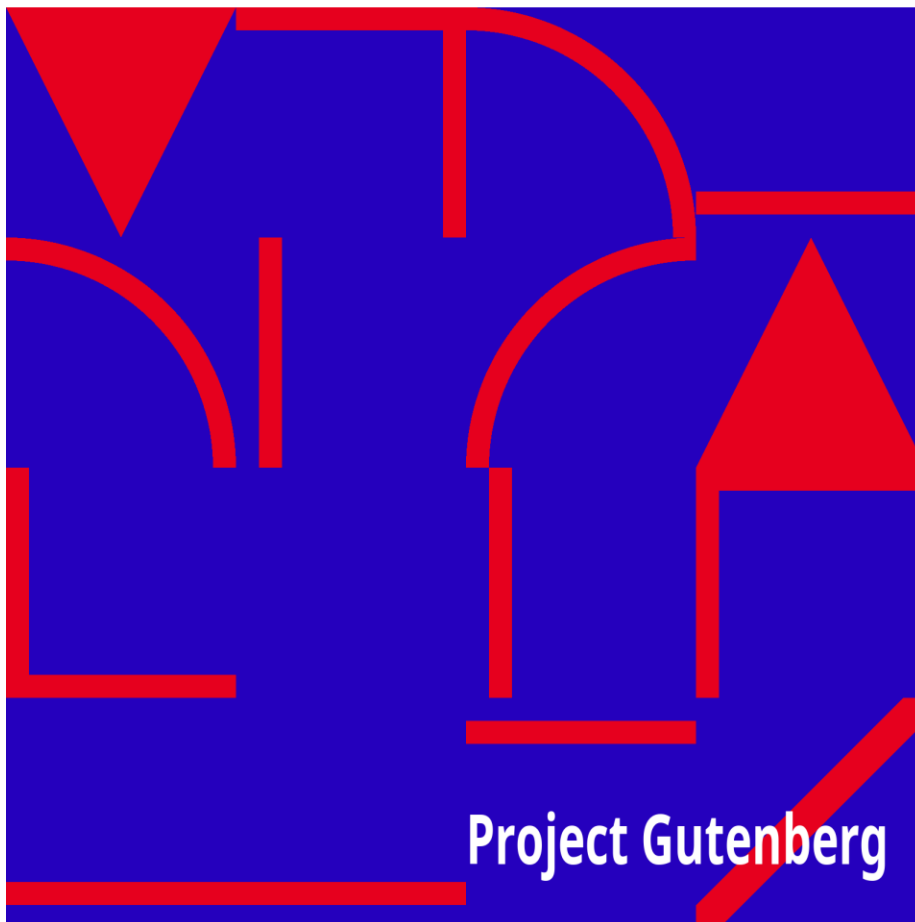

Духовные потоки

Жанна Мария Бувье де ла Мотт Гийон

Spiritual Torrents

Jeanne Marie Bouvier de la Motte Guyon

Электронная книга проекта "Гутенберг" с духовными потоками

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Духовные Потоки

Author: Жанна Мария Бувье де ла Мотт Гийон

Дата выхода: 22 апреля 2008 г. [Электронная книга № 25133]

Последнее обновление: 13 марта 2025 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Free Elf, Дэвидом Уилсоном и командой онлайн-корректоров по адресу <http://www.pgdp.net> (Эта книга была подготовлена на основе отсканированных изображений материалов, находящихся в общественном достоянии, из проекта Google Print project.)

*** ЗАПУСК ПРОЕКТА "ДУХОВНЫЕ ТОРРЕНТЫ ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА" ***

Примечание переписчика:

Эта электронная книга содержит основную информацию из объединенного издания "Краткого метода молитвы и духовных потоков", но содержит только текст духовных потоков.

Краткий метод молитвы и духовных потоков

АВТОР: Ж. М. Б. ДЕ ЛА МОТ ГИЙОН.

Переведен с парижского издания 1790 года

А. У. МАРСТОНОМ.

ЛОНДОН:

СЭМПСОН ЛОУ, МАРСТОН, ЛОУ И СИРЛ,
КРАУН БИЛДИНГС, ФЛИТ-СТРИТ, 188.
1875.

[Все права защищены.]

НАПЕЧАТАНО ИЗДАТЕЛЬСТВОМ BALLANTYNE AND COMPANY
В ЭДИНБУРГЕ И ЛОНДОНЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ К АНГЛИЙСКОМУ ПРОТЕСТАНТСКОМУ ИЗДАНИЮ.

Возможно, необходимы некоторые извинения, когда протестант таким образом представляет протестантским читателям произведения последовательного римско-католического автора. Ссылка должна заключаться в том, что описанные доктрина и опыт по сути своей протестантские; и, несмотря на то, что они не получили одобрения Римско-католической церкви, их автор подвергался преследованиям за то, что придерживался и распространял их.

Что касается опыта мадам Гийон, то следует иметь в виду, что, хотя славные высоты общения с Богом, которых она достигла, могут быть достигнуты самыми слабыми из избранных Богом, все же ни в коем случае не обязательно достигать их тем же явно трудным и затяжным путем, по которому ее вели.

Особенно “Потоки” следует рассматривать скорее как рассказ о личном опыте автора, чем как план, который Бог неизменно или даже обычно принимает, приводя душу в состояние единения с Самим Собой. Это правда, что для того, чтобы мы могли “жить для праведности”, мы должны быть “действительно мертвы для греха”; и что должно произойти самораспятие, прежде чем жизнь Христа сможет проявиться в нас. Только когда мы можем сказать: “Я распят со Христом”, мы можем добавить: “Тем не менее я живу, но не я, а Христос живет во мне”. Но из этого не следует, что эта внутренняя смерть всегда должна быть такой же затяжной, как в случае с мадам Гийон. Она сама говорит нам, что причина заключалась в том, что она не была полностью покорна Божественной воле и желала быть лишенной Божьих даров, чтобы наслаждаться обладанием Дарителем. Это сопротивление воле Божьей подразумевает страдание со стороны творения и наказание со стороны Бога, чтобы Оно могло подчинить Себе то, что не было отдано Ему добровольно.

О радости полного предания себя Богу здесь говорить не обязательно: тысячи детей Божьих осознают это блаженство для себя и доказывают, что это не трудность, а невыразимая радость - приносить себя в живую жертву Богу, жить больше не для себя, но для Того, Кто умер за них и воскрес вновь.

Простое доверие к живому, личному Спасителю; отказ по Его благодати от всего, что, как известно, противоречит Его воле; и полное самоотречение Ему, чтобы Его замыслы могли осуществляться в нас и через нас; таков простой ключ к скрытому святилищу общения.

КРАТКИЙ МЕТОД МОЛИТВЫ.

Содержание.

ГЛАВА	СТРАНИЦА
I. МОЛИТВА ВОЗМОЖНА В ЛЮБОЕ ВРЕМЯ, САМОЙ ПРОСТОЙ	1

II.	ПЕРВАЯ СТЕПЕНЬ МОЛИТВЫ	6
III.	ВТОРАЯ СТЕПЕНЬ МОЛИТВЫ, НАЗЫВАЕМАЯ ЗДЕСЬ МОЛИТВОЙ ПРОСТОТЫ	13
IV.	ДУХОВНАЯ СУХОСТЬ	16
V.	ПРЕДАННОСТЬ БОГУ	18
VI.	СТРАДАНИЕ	21
VII.	ТАЙНЫ	23
VIII.	ДОБРОДЕТЕЛЬ	25
IX.	СОВЕРШЕННОЕ ОБРАЩЕНИЕ	27
X.	ВЫСШАЯ СТЕПЕНЬ МОЛИТВЫ, СТЕПЕНЬ ПРОСТОГО ПРИСУТСТВИЯ БОГА	30
XI.	ОТДЫХ В ПРИСУТСТВИИ БОГА —ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ТИШИНА	35
XII.	САМОАНАЛИЗ И ИСПОВЕДЬ	39
	ЧТЕНИЕ И ПРОИЗНЕСЕНИЕ	42
XIII.	МОЛИТВЫ	
XIV.	НЕДОСТАТКИ И ИСКУШЕНИЯ ЭТОЙ СТУПЕНИ	44
XV.	МОЛИТВА И ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ ОБЪЯСНЯЮТСЯ СХОДСТВОМ С ДУХАМИ	47
XVI.	ЭТО СОСТОЯНИЕ НЕ ПРАЗДНОСТИ, НО ДЕЙСТВИЯ	51
XVII.	РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ ВНЕШНИМИ И ВНУТРЕННИМИ ДЕЙСТВИЯМИ	63
XVIII.	НАСТАВЛЕНИЯ ПРОПОВЕДНИКАМ	71
XIX.	ПОДГОТОВКА К БОЖЕСТВЕННОМУ СОЮЗУ	77

ДУХОВНЫЕ ПОТОКИ.

Содержание.

ЧАСТЬ I.

ГЛАВА		СТРАНИЦА
I.	РАЗЛИЧНЫЕ ПУТИ, КОТОРЫМИ ДУШИ НАПРАВЛЯЮТСЯ К ПОИСКУ БОГА	91
II.	О ПЕРВОМ ПУТИ, КОТОРЫЙ ЯВЛЯЕТСЯ АКТИВНЫМ И МЕДИТАТИВНЫМ	94
III.	О ВТОРОМ ПУТИ, КОТОРЫЙ ЯВЛЯЕТСЯ ПАССИВНЫМ ПУТЕМ СВЕТА	103
IV.	О ТРЕТЬЕМ ПУТИ, КОТОРЫЙ ЯВЛЯЕТСЯ ПАССИВНЫМ ПУТЕМ ВЕРЫ, И О ЕГО ПЕРВОЙ СТЕПЕНИ	111
V.	НЕСОВЕРШЕНСТВА ЭТОЙ ПЕРВОЙ СТЕПЕНИ	125
VI.	ВТОРАЯ СТЕПЕНЬ ПАССИВНОГО ПУТИ ВЕРЫ	139
VII.	РАЗДЕЛ I.—НАЧАЛО ТРЕТЬЕЙ СТЕПЕНИ ПАССИВНОГО ПУТИ ВЕРЫ—ПЕРВАЯ СТЕПЕНЬ РАЗОРЕНИЯ ДУШИ	151
	РАЗДЕЛ II.—ВТОРАЯ СТЕПЕНЬ РАЗОРЕНИЯ ДУШИ	164
	РАЗДЕЛ III.—ТРЕТЬЯ СТЕПЕНЬ ХИЩЕНИЯ	169
	РАЗДЕЛ IV.—ВСТУПЛЕНИЕ В МИСТИЧЕСКУЮ СМЕРТЬ	179
VIII.	ТРЕТЬЯ СТЕПЕНЬ ПАССИВНОГО ПУТИ ВЕРЫ В ЕГО ЗАВЕРШЕНИИ	185
IX.	ЧЕТВЕРТАЯ СТЕПЕНЬ ПАССИВНОГО ПУТИ ВЕРЫ, КОТОРАЯ ЯВЛЯЕТСЯ НАЧАЛОМ БОЖЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ	193

ЧАСТЬ II.

I.	БОЛЕЕ ПОДРОБНОЕ ОПИСАНИЕ НЕСКОЛЬКИХ ХАРАКТЕРИСТИК ЖИЗНИ ВОСКРЕСЕНИЯ	211
II.	СТАБИЛЬНОСТЬ, ОПЫТ, ВОЗВЫШЕНИЕ И ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ ЧИСТОТА ПОКИНУТОЙ ДУШИ	221
III.	СОВЕРШЕННОЕ ЕДИНЕНИЕ Или ПОДОБИЕ	230
IV.	ДЕЙСТВИЯ И СТРАДАНИЯ ТЕХ, КТО НАХОДИТСЯ В СОСТОЯНИИ ЕДИНЕНИЯ С БОГОМ	239

ДУХОВНЫЕ ПОТОКИ.

АВТОР

МАДАМ Ж. М. Б. ДЕ ЛА МОТ-ГИЙОН.

“Пусть суд течет, как вода, а праведность — как могучий поток”. - Амос, стих 24.

ДУХОВНЫЕ ПОТОКИ.

ЧАСТЬ I.

ГЛАВА I.

ДУШИ, НАХОДЯЩИЕСЯ ПОД БОЖЕСТВЕННЫМ ВЛИЯНИЕМ, ПОБУЖДАЮТСЯ ИСКАТЬ БОГА, НО РАЗНЫМИ ПУТЯМИ, КОТОРЫЕ СВОДЯТСЯ К ТРЕМ И ОБЪЯСНЯЮТСЯ СХОДСТВОМ.

Как только душа попадает под божественное влияние и ее возвращение к Богу является истинным и искренним, после первого очищения, произведенного исповедью и раскаянием, Бог наделяет ее определенным инстинктом вернуться к Нему наиболее полным образом и

соединиться с Ним. Тогда душа чувствует, что она создана не для мирских забав и мелочей, но что у нее есть центр и цель, к которым она должна стремиться вернуться и вне которых она никогда не сможет обрести истинного покоя. Этот инстинкт очень глубоко укоренился в душе, более или менее в разных случаях, в соответствии с замыслами Бога; но у всех есть любящее нетерпение очиститься и принять необходимые пути и средства для возвращения к своему источнику, подобно рекам, которые, покинув свой исток, текут непрерывно, чтобы низвергнуться в море. Вы заметите, что некоторые реки текут серьезно и медленно, а другие - с большей скоростью; но есть реки и *потоки*, которые несутся со страшной стремительностью и которые ничто не может остановить. Все тяготы, которые могли бы быть возложены на них, и препятствия, которые могли бы быть установлены, чтобы помешать их движению, только удвоили бы их ярость. Так бывает с душами. Некоторые спокойно продвигаются к совершенству и никогда не достигают моря или только очень поздно, довольствуясь тем, что теряются в какой-нибудь более сильной и быстрой реке, которая уносит их с собой в море. Другие, составляющие второй класс, протекают более энергично и быстро, чем первый. Они даже несут с собой некоторое количество речушек; но они медлительны и праздны по сравнению с последним классом, которые устремляются вперед с такой стремительностью, что совершенно бесполезны: они недоступны для судоходства, и на них нельзя доверить доставку каких-либо товаров, за исключением определенных мест и в определенное время. Это смелые и безумные реки, которые разбиваются о скалы, которые пугают своим шумом и которые ни перед чем не останавливаются. Второй класс более приятен и полезен; их тяжесть приятна, все они нагружены товарами, и мы плывем по ним без страха и опасности.

Давайте посмотрим, с божественной помощью, на эти три категории людей под тремя фигурами, которые я предложил; и мы начнем с первой, чтобы счастливо завершить последней.

ГЛАВА II.

О ПЕРВОМ ПУТИ, КОТОРЫЙ ЯВЛЯЕТСЯ АКТИВНЫМ, И О МЕДИТАЦИИ — ЧТО ЭТО ТАКОЕ — ЕГО СЛАБОСТИ, ПРИВЫЧКИ, ЗАНЯТИЯ, ПРЕИМУЩЕСТВА И Т.Д.— ОБЩЕЕ МНЕНИЕ— НЕДОСТАТОК НАБЛЮДАТЕЛЬНОСТИ — ПРИЧИНА БОЛЬШИНСТВА СПОРОВ И ТРУДНОСТЕЙ, ВОЗНИКШИХ НА ПАССИВНОМ ПУТИ, И АБСУРДНЫХ ВОЗРАЖЕНИЙ, КОТОРЫЕ БЫЛИ ВЫДВИНУТЫ ПРОТИВ НЕГО— ДУШИ ДЛЯ МЕДИТАЦИИ — ИХ СЛЕДУЕТ ПРИВОДИТЬ К НЕЙ ЧЕРЕЗ ПРИВЯЗАННОСТИ— МНЕНИЕ ОБ ИХ БЕСПЛОДИИ И БЕССИЛИИ— ДУХОВНЫЕ КНИГИ И АВТОРЫ О ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ, В ОТЛИЧИЕ ОТ ДРУГИХ— СПОСОБНОСТИ И НЕСПОСОБНОСТЬ ДУШ— ПРОСТЫЕ ЛЮДИ ЛУЧШЕ ВЕЛИКИХ РАССУЖДАТЕЛЕЙ.

Первый класс душ - это те, кто после своего обращения посвящает себя медитации или даже благотворительности. Они совершают некоторые внешние аскезы; стараются мало-помалу очиститься, избавиться от некоторых заметных грехов и даже от добровольно простительных. Они стараются изо всех своих скудных сил продвигаться постепенно, но это получается слабо и медленно.

Поскольку их источник не в изобилии, засуха иногда приводит к задержке. Во времена засухи бывают даже периоды, когда они полностью пересыхают. Они не перестают вытекать из

источника, но это настолько слабо, что едва заметно. По этим рекам перевозится мало товаров или их вообще нет, и, следовательно, для общественных нужд они должны доставляться к ним. В то же время необходимо, чтобы искусство помогало природе и находило средства их расширения либо с помощью каналов, либо с помощью других рек того же типа, которые соединяются вместе и соединяются с ней, и эти реки, соединенные таким образом, увеличивают водоем и, помогая друг другу, создают условия для того, чтобы нести несколько маленьких лодок не к морю, а к некоторым главным рекам, о которых мы поговорим позже. У таких существ обычно небольшая глубина духовной жизни. Они работают внешне и редко прекращают свои медитации, так что они не пригодны для великих дел. Как правило, они не несут никакого товара, то есть они ничего не могут передать другим; и Бог редко использует их, разве что для перевозки нескольких маленьких лодочек, то есть для удовлетворения телесных потребностей; а для того, чтобы их использовали, они должны быть выпущены в каналы чувственной благодати или объединены с кем-то другим в религии, благодаря чему нескольким людям средней благодати удастся вести маленькую лодку, но не в само море, которое есть Бог: в него они никогда не войдут в этой жизни, а только в следующей.

Дело не в том, что души не освящаются таким образом. Есть много людей, которые считаются очень добродетельными, которые никогда не выходят за рамки этого, Бог дает им свет, соответствующий их состоянию, который иногда очень красив и вызывает восхищение религиозного мира. Наиболее избранные из этого класса усердны в проявлении добродетели; они изобретают тысячи святых изобретений и практик, чтобы привести их к Богу и дать им возможность пребывать в Его присутствии; но все совершается их собственными усилиями, с помощью и поддержкой благодати, и их собственные дела кажутся превосходящими работу Бога, Его работа лишь совпадает с их работой.

Духовная жизнь этого класса процветает только пропорционально их работе. Если эта работа будет устранена, прогресс благодати внутри них остановится: они напоминают насосы, которые подают воду только по мере того, как их взбалтывают. Вы заметите в них большую склонность помогать себе с помощью своих естественных чувств, энергичную активность, желание всегда делать что-то большее и что-то новое, способствующее их совершенству, а в периоды бесплодия - стремление избавиться от этого. Они подвержены большим вариациям: иногда они творят чудеса, в другое время они чахнут и приходят в упадок. У них нет уравновешенности в поведении, потому что, поскольку большая часть их религии основана на этих естественных чувствах, всякий раз, когда случается, что их чувства иссякают либо из-за недостатка работы с их стороны, либо из-за отсутствия соответствия со стороны Бога, они впадают в уныние, либо удваивают свои усилия в надежде вернуть себе то, что они потеряли. Они никогда не обладают, в отличие от других, глубоким покоем посреди отвлекающих факторов; напротив, они всегда готовы бороться с ними или жаловаться на них.

Такие умы не должны быть направлены на пассивную преданность; это означало бы безвозвратно погубить их, отняв у них средства доступа к Богу. Ибо как с человеком, который вынужден путешествовать, и у которого нет ни лодки, ни повозки, ни какой-либо другой альтернативы, кроме как идти пешком, если вы отнимаете у него ноги, вы ставите продвижение за пределы его досягаемости; так и с этими душами; если вы отнимаете у них труды, которые являются их ногами, они никогда не смогут продвинуться.

И я полагаю, что это является причиной разногласий, которые сейчас будоражат религиозный мир. Те, кто придерживается *пассивного* пути, сознавая испытываемое ими на нем блаженство, заставили бы всех идти с ними; те, напротив, кто находится в том, что я назвал состоянием *медитации*, ограничили бы всех своим путем, что повлекло бы за собой неоценимые потери.

Что же тогда нужно делать? Мы должны избрать средний путь и посмотреть, к какому из двух путей приспособлены души.

У некоторых это может проявляться в нежелании оставаться в покое и позволять Духу Божьему руководить собой; в путанице ошибок, в которые они впадают, не осознавая их; или, если они обладают природным благоразумием, в определенном умении скрывать свои ошибки от других и от самих себя; в их приверженности своим чувствам и по ряду других признаков, которые невозможно объяснить.

Способ избавить их от такого состояния состоял бы в том, чтобы заставить их меньше полагаться на интеллект и больше на чувства, и если будет очевидно, что они постепенно заменяют одно другим, это признак того, что внутри них ведется духовная работа.

Я не могу понять, почему поднимается такой громкий крик против тех книг и писателей, которые трактуют о внутренней жизни. Я утверждаю, что они не могут причинить вреда, если только это не касается тех, кто готов потерять себя ради собственного удовольствия, для кого не только эти вещи, но и все остальное было бы вредом: подобно паукам, которые превращают цветы в яд. Но они не могут причинить вреда тем смиренным душам, которые стремятся к совершенству, потому что их невозможно понять тем, кому не дарован особый свет; и что бы другие ни читали, они не могут правильно понять те условия, которые, находясь за пределами воображения, могут быть познаны только на опыте. Совершенство происходит с неуклонным продвижением, соответствующим прогрессу внутренней жизни.

Это не значит, что нет людей, продвинувшихся в освящении, у которых внешность имеет недостатки еще большие, чем у других, но они не одинаковы ни по своей природе, ни по своим качествам.

Вторая причина, почему я говорю, что такие книги не могут причинить вреда, заключается в том, что они требуют так много естественной смерти, так много разрывов, так много вещей, которые нужно завоевывать и разрушить, что ни у кого никогда не хватило бы сил на начинание без искренности цели; или даже если бы кто-то взялся за это, это произвело бы только эффект *медитации*, то есть попытки уничтожить самого себя.

Что касается тех, кто хочет вести других по своему руслу, а не по Божьему, и устанавливать ограничения для их дальнейшего продвижения, — что касается тех, говорю я, кто знает только один путь и хотел бы, чтобы весь мир шел по нему, зло, которое они навлекают на других, непоправимо, ибо они всю свою жизнь заставляют их останавливаться на определенных вещах, которые мешают Богу бесконечно благословлять их.

Мне кажется, что в божественной жизни мы должны действовать как в школе. Ученых не всегда держат в одном классе, их передают другим, более продвинутым. О наука о человеке! ты так мало стоишь, и все же с тобой люди не упускают возможности принять все меры предосторожности! О наука таинственная и божественная! вы так велики и так необходимы; и

все же они пренебрегают вами, они ограничивают вас, они сжимают вас, они насилуют вас! О, неужели никогда не будет религиозной школы! Увы! желая превратить это в изучение, человек испортил его. Он стремился дать правила и ограничения Духу Божьему, который безграничен.

О бедные бессильные души! вы лучше подходите для исполнения Божьих замыслов, и, если вы верны, ваша преданность будет более приятна Ему, чем преданность тех великих умов, которые делают молитву скорее изучением, чем преданностью. Более того, я говорю, что такие души, как эти, которые кажутся такими бессильными и неспособными, достойны внимания, при условии, что они только постучат в дверь и будут ждать со смиренным терпением, пока им откроют. Те люди большого интеллекта и тонкого понимания, которые не могут ни минуты побыть в тишине перед Богом, которые создают непрерывный хаос, которые так хорошо способны дать отчет о своем благочестии во всех его частях, которые всегда проходят через это по своей собственной воле и одним и тем же методом, которые упражняются по своему усмотрению в любом предмете, который им приходит на ум, которые так довольны собой и своим светом, которые подробно рассказывают о подготовке и методах молитвы, лишь незначительно продвинулись в этом; и после десяти или двадцати лет таких упражнений они всегда останутся такими же.

Увы! когда речь идет о любви к несчастному созданию, используют ли они для этого какой-нибудь метод? Самые невежественные в этом вопросе оказываются самыми искусными. То же самое происходит и с божественной любовью, но в то же время совсем по-другому. Поэтому, если кто-то, кто никогда не знал такой религии, приходит к вам, чтобы научиться этому, научите его сильно любить Бога и с совершенной самоотдачей отдаваться любви, и он скоро познает это. Если человек по натуре медлителен к любви, позвольте ему сделать все, что в его силах, и терпеливо ждать, пока любовь сама не станет любимой по-своему, а не по-вашему.

ГЛАВА III.

О ВТОРОМ ПУТИ ВОЗВРАЩЕНИЯ ДУШИ К БОГУ, КОТОРЫЙ ЯВЛЯЕТСЯ ПАССИВНЫМ ПУТЕМ, Но ОДНИМ ИЗ СВЕТЛЫХ, И О ДВУХ ВИДАХ ВВЕДЕНИЯ К НЕМУ — ОПИСАНИЕ ЭТОГО КЛАССА И ИХ ПОРАЗИТЕЛЬНЫХ ПРЕИМУЩЕСТВ, — РАЗЛИЧНЫЕ НЕОБХОДИМЫЕ МЕРЫ ПРЕДОСТОРОЖНОСТИ И НАБЛЮДЕНИЯ, КАСАЮЩИЕСЯ ЭТОГО КЛАССА, ИХ ПОВЕДЕНИЯ, СОВЕРШЕНСТВ, НЕСОВЕРШЕНСТВ И ОПЫТА.

Второй класс подобен тем большим рекам, которые текут медленно и устойчиво. Они текут с помпой и величием; их русло прямое, и по нему легко следовать; они нагружены товарами и могут выйти к морю, не смешиваясь с другими реками; но они запаздывают, будучи серьезными и медлительными. Есть даже такие, кто вообще никогда не достигает ее, и они, по большей части, теряются в других более крупных реках или же сворачивают в сторону, к какому-нибудь морскому рукаву. Многие из этих рек служат для перевозки товаров и сильно ими перегружены. Их могут сдерживать шлюзы, а в определенных местах они перекрываются. Таковы души *спассивным взглядом*. Их сила очень велика; они обременены дарами, милостями и небесными милостями; они вызывают восхищение своего поколения; и количество святых, которые сияют как звезды в Церкви, никогда не превышало этого предела. Этот класс состоит из двух видов.

Первые начинали обычным способом, а затем были привлечены к пассивному созерцанию. Другие были, так сказать, застигнуты врасплох; их схватили за сердце, и они чувствуют, что любят, не научившись узнавать объект своей любви. Ибо разница между божественной и человеческой любовью заключается в том, что последняя предполагает предварительное знакомство со своим объектом, потому что, поскольку он находится вне ее, чувства должны быть привлечены к нему, а чувства могут быть привлечены к нему только потому, что он им сообщен: глаза видят, а сердце любит. Иначе обстоит дело с божественной любовью. Бог, имеющий абсолютную власть над сердцем человека и являющийся его источником и целью, не обязательно, чтобы Он открывал ему, кто Он такой. Он берет его штурмом, не давая ему боя. Сердце бессильно сопротивляться Ему, даже если Он не может использовать абсолютную и насильственную власть, за исключением некоторых случаев, когда Он позволяет это сделать, чтобы проявить Свою силу. Таким образом, Он забирает сердца, заставляя их гореть в одно мгновение; но обычно Он дает им вспышки света, которые ослепляют их и приближают к Себе. Эти личности кажутся гораздо более великими, чем те, о ком я буду говорить позже, тем, кто не обладает божественной пронизательностью, ибо внешне они достигают высокой степени совершенства, Бог чрезвычайно возвышает их природные способности и необыкновенным образом пополняет их; и все же на самом деле они никогда не доводятся до состояния самоуничтожения, и Бог обычно не вытягивает их из их собственного существа настолько, чтобы они потерялись в Нем. Однако такие персонажи, как эти, вызывают удивление и восхищение мужчин. Бог дарует им дары за дарами, милость за милостью, видения, откровения, внутренние голоса, экстазы, восхищения и т. Д. Кажется, что единственной заботой Бога было обогатить и украсить их и поведать им Свои секреты. Все радости принадлежат им.

Это не означает, что они не несут никаких тяжелых крестов, никаких жестоких искушений: это тени, которые заставляют их добродетели сиять с большей яркостью; ибо эти искушения решительно отбрасываются, кресты переносятся храбро; они даже желают их большего: все это пламя и воспламенение, энтузиазм и любовь. Бог использует их для свершения великих дел, и кажется, что им нужно только пожелать чего-то, чтобы получить это от Бога, Он находит Свое наслаждение в удовлетворении всех их желаний и исполнении всей их воли. Однако на одном и том же пути есть различные степени продвижения, и некоторые достигают гораздо более высокого уровня совершенства, чем другие; их опасность заключается в том, что они сосредоточивают свои мысли на том, что Бог сделал для них, останавливаясь таким образом на дарах, вместо того, чтобы пройти через них к Дарителю.

Замысел Бога в даровании Своей благодати и в том изобилии, с которым Он ее дает, состоит в том, чтобы приблизить их к Себе; но они используют ее для совершенно иной цели: они покоятся на ней, размышляют о ней, смотрят на нее и присваивают ее; и отсюда возникают тщеславие, покладистость, самоуважение, предпочтение самих себя другим и часто разрушение религиозной жизни. Эти люди достойны восхищения сами по себе; и иногда по особой благодати они становятся очень полезными другим, особенно если они были выведены из глубин великого греха. Но обычно они менее приспособлены руководить другими, чем те, кто приходит после; ибо, будучи сами близки к Богу, они испытывают ужас перед грехом и часто уклоняются от грешников, и, никогда не испытав тех страданий, которые они видят в других, они поражены и не в состоянии оказать ни помощи, ни совета. Они ожидают слишком большого совершенства и не ведут к нему постепенно, и если они встречаются со слабыми, они не помогают им пропорционально их собственному продвижению или в соответствии с Божьими

замыслами, но часто даже стремятся избегать их. Им трудно общаться с теми, кто не достиг их собственного уровня, предпочитая уединенную жизнь служению любви. Если бы такие люди были услышаны в разговоре теми, кто не был просветлен богом, их сочли бы равными последнему классу или даже более продвинутыми. Они используют одни и те же термины — СМЕРТЬ, ПОТЕРЯ САМОСТИ, УНИЧТОЖЕНИЕ и т.д.; и совершенно верно, что они действительно умирают по-своему, что они уничтожаются и теряют себя, ибо часто их естественная чувствительность утрачивается или приостанавливается в периоды их набожности; они даже теряют привычку ими пользоваться. Таким образом, эти души пассивны, но в них самих есть свет, и любовь, и сила; им нравится сохранять что-то свое, это могут быть даже их добродетели, но в такой тонкой форме, что только Божественное око может это обнаружить. Подобные им настолько нагружены товарами, что их продвижение очень медленное. Что же тогда нужно с ними сделать, чтобы увести их с этого пути? Для них есть более безопасный и верный путь, даже путь веры: их нужно вести от разумного к сверхъестественному, от того, что известно и воспринимается, к очень глубокой, но очень безопасной тьме веры. Бесполезно пытаться выяснить, от Бога это или нет, поскольку их нужно превзойти; ибо, если они от Бога, Он будет продолжать их, если только мы отдадим себя Ему; и если они не от Бога, мы не будем обмануты ими, если не останемся на них.

Этот класс людей сталкивается с гораздо большими трудностями при вступлении на путь веры, чем первый, поскольку то, чем они уже обладают, так велико и так очевидно от Бога, что они не поверят, что в Церкви Божьей есть что-то высшее. Поэтому они цепляются за это.

О Боже! сколько существует духовных благ, которые кажутся великими добродетелями тем, кто не просветлен Богом, и которые кажутся большими и опасными недостатками тем, кто таковыми является! Ибо те, кто таким образом поступает, считают добродетелями то, что другие считают едва заметными недостатками; и им не дан даже свет, позволяющий увидеть их в их истинном свете. У этих людей есть правила и предписания для их послушания, которые отмечены благоразумием; они сильны и энергичны, хотя и кажутся мертвыми. Они действительно мертвы в том, что касается их собственных потребностей, но не в том, что касается их основания. Такие души, как эти, часто обладают внутренним безмолвием, определенным погружением в Бога, которое они хорошо различают и выражают; но у них нет того тайного стремления быть ничем, как у представителей последнего класса. Это правда, что они желают стать ничем путем некоего ощутимого уничтожения, глубокого смирения, уничижения под огромным весом Божьего величия. Все это - уничтожение, в котором они пребывают, не будучи уничтоженными. У них возникает чувство уничтожения вне реальности, ибо душа все еще поддерживается своими чувствами, и это состояние более удовлетворяет ее, чем любое другое, поскольку дает больше уверенности. Этот класс обычно приводится к Богу только смертью, если только это не какие-то привилегированные люди, которых Бог предназначил быть светом Своей Церкви или которых Он намеревается освятить более возвышенно; и таких Он постепенно лишает всех их богатств. Но поскольку мало найдется достаточно смелых, чтобы пожелать после стольких блаженств потерять все это, немногие проходят этот рубеж, возможно, Божье намерение состоит в том, чтобы они не проходили его, и что, поскольку в доме Отца много особняков, они должны занимать только этот. Давайте оставим причины на усмотрение Бога.

ГЛАВА IV.

О ТРЕТЬЕМ ПУТИ ВОЗВРАЩЕНИЯ К БОГУ, КОТОРЫЙ ЯВЛЯЕТСЯ ПАССИВНЫМ ПУТЕМ ВЕРЫ, И О ЕГО ПЕРВОЙ СТЕПЕНИ—ОПИСАНИЕ ЭТОГО ПУТИ ПО ПОДОБИЮ ПОТОКА—СКЛОННОСТЬ ДУШИ К БОГУ —ЕЕ СВОЙСТВА, ПРЕПЯТСТВИЯ И СЛЕДСТВИЯ, ОБЪЯСНЯЕМЫЕ ПОДОБИЕМ ОГНЯ—ЧТО ПОСТИГАЕТ ДУШУ, ПРИЗВАННУЮ ИДТИ ПАССИВНЫМ ПУТЕМ ВЕРЫ—ОПИСАНИЕ ПЕРВОЙ СТЕПЕНИ ЭТОГО ТРЕТЬЕГО ПУТИ И СОСТОЯНИЯ ДУШИ НА НЕМ—ОСТАЛЬНОЕ, ЧТО ОНА НАХОДИТ В НЕМ, БЫЛО БЫ ВРЕДНЫМ, ЕСЛИ БЫ БОГ НЕ ОТВЛЕК ЕЕ ОТ НЕГО, ЧТОБЫ СПОСОБСТВОВАТЬ ЕЕ ПРОДВИЖЕНИЮ.

Что мы можем сказать о душах на этом *третьем пути*, если не то, что они похожи на ПОТОКИ, вздымающиеся в высоких горах? Их источник в Самом Боге, и у них нет ни минуты покоя, пока они не потеряются в Нем. Их ничто не останавливает, и на них не возлагается никакое бремя. Они несутся с быстротой, которая пугает даже самых уверенных в себе. Эти потоки текут без порядка, туда и сюда, везде, где они могут найти проход, не имея ни ровного русла, ни упорядоченного русла. Иногда они становятся грязными, проходя понетвердому грунту, который они уносят с собой благодаря своей скорости. Иногда они кажутся безвозвратно потерянными, затем на какое-то время появляются вновь, но это только для того, чтобы низвергнуться в другую пропасть, еще более глубокую, чем прежняя. Это развлечение этих потоков - показать себя, потеряться и разбиться о скалы. Их течение настолько быстро, что их невозможно различить; но, наконец, после множества обрывов и пропастей, после того, как они разбивались о скалы и много раз терялись и находились снова, они достигают моря, где теряются и их больше не находят. И там, каким бы бедным, подлым, бесполезным, лишенным товаров ни был бедный поток, он чудесным образом обогащается, ибо он не богат своими собственными богатствами, как другие реки, которые несут только определенное количество товаров или определенные редкости, но он богат богатствами самого моря. Оно несет на своей груди самые большие суда; это море несет их, и все же это река, потому что река, теряясь в море, стала с ним единым целым.

Следует отметить, что река или стремительный поток, низвергнутый таким образом в море, не теряет своей природы, хотя она настолько изменилась и затерялась, что ее невозможно узнать. Он всегда останется таким, каким был, но его идентичность утрачена не в смысле реальности, а в смысле качества; ибо он настолько перенял свойства соленой воды, что в нем нет ничего особенного для него самого, и чем больше он теряет себя и остается в море, тем больше он меняет свою собственную природу на природу моря. Для чего же тогда не подходит этот жалкий поток? Его мощь безгранична, поскольку он такой же, как у моря; он способен обогатить всю землю. О счастливая утрата! кто может выдвинуть тебя вперед? Кто может описать, какую выгоду принесла эта бесполезная и ни на что не годная река, которую презирали и на которую смотрели как на безумную, на которой нельзя было полагаться даже на самую маленькую лодку, потому что, не будучи в состоянии сдерживаться, она потащила бы лодку за собой. Что вы скажете о судьбе этого потока, о великие реки! которые текут с таким величием, которые вызывают восторг и восхищение всего мира и славу в количестве товаров, разложенных перед

вами? Во что превратилась судьба этого бедного потока, на который вы смотрите с презрением или, в лучшем случае, с состраданием? Какой пользы он может принести сейчас, или, скорее, какой пользы он не может принести? Чего ему не хватает? Теперь вы его слуги, поскольку богатства, которыми вы обладаете, - это всего лишь избыток его изобилия или свежий запас, который вы ему несете.

Но прежде чем говорить о счастье души, таким образом потерянной в Боге, мы должны начать с его происхождения и продвигаться постепенно.

Душа, как мы уже говорили, исшедшая от Бога, имеет постоянную склонность возвращаться к Нему, потому что, поскольку Он является ее источником, Он также является и ее конечной целью. Его течение было бы бесконечным, если бы оно не было остановлено или прервано грехом и неверием. Поэтому сердце человека постоянно находится в движении и не может найти покоя, пока не вернется к своему источнику и своему центру, которым является Бог: подобно огню, который, будучи удален из своей сферы, находится в постоянном волнении и не успокоится, пока не вернется к нему, и тогда, по чуду природы, этот элемент, сам по себе настолько активный, что поглощает все своей активностью, находится в совершенном покое. О бедные души, ищущие счастья в этой жизни! вы никогда не найдете его у Бога. Стремитесь вернуться к Нему: там все ваши стремления и неприятности, ваши волнения и тревоги будут сведены к совершенному покою.

Следует отметить, что по мере того, как огонь приближается к своему центру, он всегда приближается к состоянию покоя, хотя его быстрота возрастает. То же самое и с душой: как только грех перестает сдерживать ее, она неустанно стремится найти Бога; и если бы не грех, ничто не могло бы помешать ее движению, которое было бы настолько быстрым, что вскоре достигло бы своего конца. Но верно также и то, что по мере приближения к Богу его скорость увеличивается и в то же время становится более спокойной; ибо остальное, или, скорее, покой, поскольку оно не находится в покое, а движется мирным курсом, увеличивается так, что его покой удваивает его скорость, а его скорость увеличивает его покой.

Таким образом, препятствия возникают из-за грехов и несовершенств, которые на какое-то время останавливают движение души, в большей или меньшей степени, в зависимости от величины вины. Тогда душа осознает свою активность, как если бы, когда огонь продвигался к своему центру, он наталкивался на препятствия, такие как куски дерева или соломы: она возобновила бы свою прежнюю активность, чтобы поглотить эти препятствия или преграды, и чем больше препятствие, тем больше возрастала бы ее активность. Если бы это был кусок дерева, потребовалось бы более длительное и сильное воздействие, чтобы его поглотить; но если бы это была всего лишь соломинка, она сгорела бы в одно мгновение и лишь очень незначительно затруднила бы его течение. Вы заметите, что препятствия, с которыми столкнулся бы огонь, только придали бы ему новый стимул преодолевать все, что препятствовало бы его соединению с его центром; опять же, следует отметить, что чем больше препятствий мог бы встретить огонь и чем более значительными они могли бы быть, тем больше они замедляли бы его течение; и если бы он постоянно встречался с новыми препятствиями, его сдерживали бы и не давали вернуться туда, откуда он пришел. Мы знаем по опыту, что если мы постоянно подливаем масла в огонь, мы будем сдерживать его и не дадим ему разгораться. То же самое происходит и с душами людей. Их инстинкты и естественные склонности ведут их к Богу. Они постоянно продвигались бы вперед, если бы не препятствия, с которыми они

сталкиваются. Эти препятствия являются грехами и несовершенствами, которые являются более серьезными препятствиями на пути их возвращения к Богу, в зависимости от того, насколько они серьезны и долговечны; так что, если они будут продолжать грешить, они никогда не достигнут своего конца. Поэтому те, кто не грешил так сильно, как другие, должны продвигаться гораздо быстрее. Обычно так и бывает, и все же кажется, что Богу доставляло удовольствие создавать “изобилие благодати там, где больше всего изобиловал грех” (Рим. ст. 20). Я полагаю, что одной из причин этого, которую можно найти у тех, кто не сильно согрешил, является их оценка собственной праведности, и это препятствие преодолеть труднее, чем даже самые тяжкие грехи, потому что у нас не может быть такой сильной привязанности к грехам, которые сами по себе настолько отвратительны, как у нас к нашей собственной праведности; и Бог, который не будет насильствовать свободу, оставляет такие сердца наслаждаться их святостью по своему усмотрению, в то время как Он находит Свое удовольствие в очищении самых несчастных. И чтобы достичь Своей цели, Он посылает более сильный и яростный огонь, который легче уничтожает эти грубые грехи, чем более медленный огонь уничтожает более мелкие препятствия. Кажется даже, что Богу нравилось устанавливать Свой престол в этих преступных сердцах, чтобы проявить Свою силу и показать, как Он может вернуть изуродованную душу в ее первоначальное состояние и даже сделать ее более прекрасной, чем она была до своего падения. Те, кто сильно согрешил и для кого я сейчас пишу, осознают, что великий огонь пожирает все их грехи и препятствия; они часто обнаруживают, что их путь затруднен окружающими грехами, но этот огонь пожирает их снова и снова, пока они не будут полностью покорены. И по мере того, как огонь продолжает пожирать, препятствия преодолеваются все легче и легче, так что в конце концов они становятся не более чем соломинками, которые не только не препятствуют его распространению, но только заставляют его гореть еще яростнее.

Давайте тогда возьмем душу в ее первоначальном состоянии и проследим за ней через различные стадии, если Бог, внушающий эти мысли, которые приходят мне в голову только сейчас, когда я пишу, пожелает, чтобы мы так и поступили.

Поскольку Божий замысел для души состоит в том, чтобы она была потеряна в Нем Самом, способом, неизвестным обычным христианам, Он начинает Свою работу с того, что дает ей ощущение ее удаленности от Него. Как только он осознал и прочувствовал это расстояние, его естественная склонность возвращаться к своему источнику, которая была как бы заглушена грехом, возрождается. Тогда душа испытывает истинную скорбь о грехе и болезненно осознает зло, которое вызвано этим отделением от Бога. Это чувство, таким образом внедренное в душу, побуждает ее искать средства избавиться от этого беспокойства и войти в определенный покой, который она видит издалека, но который только удваивает ее тревогу и усиливает ее желание преследовать его до тех пор, пока она его не найдет.

Некоторых из тех, кто упражняется таким образом, никогда не учили, что они должны стремиться иметь Бога внутри себя, а не ожидать найти Его во внешней праведности, они предаются медитации и ищут вовне то, что можно найти только внутри. Эта медитация, в которой они редко преуспевают, потому что Бог, у которого для них припасено лучшее, не позволяет им находить какой-либо покой в подобном опыте, только усиливает их тоску; ибо их рана находится в сердце, и они накладывают пластырь снаружи, который лишь усиливает болезнь, вместо того чтобы лечить ее. Они долго борются с этим упражнением, и их борьба только увеличивает их бессилие; и если Бог, который Сам берет на себя заботу о них, не пошлет

какого-нибудь посланника, чтобы показать им другой путь, они потеряют свое время, и будут терять его до тех пор, пока они остаются без помощи. Но Бог, который изобилует благостью, не преминет послать им помощь, хотя она может быть лишь преходящей и временной. Поэтому, как только их учат, что они не могут продвигаться вперед, потому что их рана внутренняя, и они стремятся исцелить ее внешними средствами; когда их побуждают искать в глубинах своих собственных сердец то, что они тщетно искали в себе; тогда они с ошеломляющим их изумлением обнаруживают, что внутри них есть сокровище, которое они искали издалека. Тогда они радуются своей новой свободе; они удивляются, что молитва больше не является бременем, и что чем больше они замыкаются в себе, тем больше они ощущают вкус некоего таинственного чего-то, что восхищает их и уносит прочь, и они хотели бы всегда любить так и таким образом быть похороненными внутри себя. И все же то, что они переживают, каким бы восхитительным это ни казалось, не останавливает их, если они хотят прийти к чистой вере, но побуждает их следовать за чем-то большим, чего они еще не знали. Теперь они полны пыла и любви. Им кажется, что они уже в Раю; ибо то, чем они обладают внутри себя, бесконечно слаще всех радостей земли: с ними они могут расстаться без боли; они оставили бы весь мир, чтобы насладиться в течение одного часа своим нынешним опытом. Они обнаруживают, что молитва стала их постоянной позицией; их любовь растет день ото дня, так что их единственное желание - всегда любить и никогда не быть прерванными. И поскольку сейчас они недостаточно сильны, чтобы их не беспокоили разговорами, они избегают их и боятся; они любят быть одни и наслаждаться ласками своих Возлюбленных. Они имеют внутри себя Советчика, который не позволяет им находить удовольствия в земных вещах и который не позволяет им совершить ни единой ошибки, не давая им почувствовать Своей холодностью, насколько грех Ему неприятен. Эта холодность Бога во времена беззакония является для них самым страшным наказанием. Кажется, что единственной заботой Бога было исправлять и обличать их, а Его единственной целью - совершенствовать их. Для них самих и для других удивительно, что таким образом они меняются больше за месяц и даже за день, чем за несколько лет другим способом. О Боже! только Тебе принадлежит исправлять и очищать сердца Твоих детей!

У Бога есть еще одно средство наказать душу, когда она еще больше продвигается в божественной жизни, открывая ей Себя более полно после ее падения; тогда бедная душа охвачена смятением; она скорее перенесет самое суровое наказание, чем эту благость Божью после того, как согрешит.

Эти люди сейчас настолько переполнены собственными чувствами, что хотят поделиться ими с другими; они жаждут научить весь мир любить Бога; их чувства к Нему настолько глубоки, так чисты и так бескорыстны, что те, кто слышит их речи, если они не являются божественно просвещенными, верят, что они достигли вершины совершенства. Они плодотворны в добрых делах; здесь нет рассуждений, ничего, кроме глубокой и жгучей любви. Душа чувствует, что захвачена и крепко удерживается божественной силой, которая восхищает и поглощает ее. Это подобно опьяненным людям, которые настолько одурманены вином, что не ведают, что творят, и больше не являются хозяевами самих себя. Если такие, как они, пытаются читать, книга выпадает у них из рук, и им достаточно одной строчки; они едва ли могут пролистать страницу за целый день, как бы усердно они ни посвящали себя этому, ибо одно слово от Бога пробуждает тот тайный инстинкт, который оживляет и воспламеняет их, так что любовь закрывает им и рот, и глаза. Они не могут произносить устные молитвы, будучи неспособными их произнести. Сердце, непривычное к этому, не знает, что это значит; ибо оно никогда раньше не испытывало ничего подобного, и оно не понимает, почему оно не может молиться, и все же

оно не может сопротивляться силе, которая побеждает его. Оно не может быть обеспокоено или бояться поступить неправильно, ибо Тот, кто держит его связанным, не позволяет ему ни сомневаться в том, что это Он держит его таким образом, ни бороться с ним, ибо, если оно делает усилие молиться, оно чувствует, что Тот, кто владеет им, закрывает его уста и заставляет его с помощью сладкого и любящего насилия молчать. Не то чтобы существо не могло сопротивляться и говорить с усилием, но помимо того, что оно совершает насилие над собой, оно теряет этот божественный покой и чувствует, что становится сухим: он должен позволить Богу воздействовать на себя по Его воле, а не по-своему. Душа в этом состоянии воображает, что пребывает во внутреннем безмолвии, потому что ее работа такая нежная, такая легкая и такая тихая, что она этого не воспринимает. Он считает, что достиг вершины совершенства, и не видит перед собой ничего, кроме наслаждения богатством, которым обладает.

Эти христиане, столь пылкие и столь жаждущие Бога, начинают успокаиваться в своем состоянии и постепенно и незаметно утрачивают любовную активность в поиске Бога, которая прежде характеризовала их, довольствуясь своей радостью, которую они заменили Самим Богом; и этот покой был бы для них невосполнимой потерей, если бы Бог в Своей бесконечной благодати не вывел их из этого состояния, чтобы привести в другое, более продвинутое. Но прежде чем говорить об этом, давайте посмотрим на несовершенства этого этапа.

ГЛАВА V.

НЕСОВЕРШЕНСТВА, ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ, ЭТОЙ ПЕРВОЙ СТЕПЕНИ — ДОПУЩЕННЫЕ В НЕЙ ОШИБКИ — ЕЕ ПАССИВНОСТЬ—ДУХОВНАЯ СУХОСТЬ, СМЕШАННАЯ С НЕЖНОЙ, НО ЭГОИСТИЧНОЙ ЛЮБОВЬЮ, КОТОРАЯ НУЖДАЕТСЯ В ОПЫТЕ И ОЧИЩЕНИИ СЛЕДУЮЩЕЙ СТЕПЕНИ.

Душа на той ступени, о которой я только что говорил, может делать и делает большие успехи, переходя от любви к любви и с креста на крест; но она так часто падает и так эгоистична, что, можно сказать, движется лишь черепашьими темпами, хотя самой себе и другим кажется, что она прогрессирует бесконечно. Поток сейчас находится в равнинной местности и еще не достиг склона горы, с которой он мог бы низвергнуться и взять курс, который никогда не будет остановлен.

Недостатками тех, кто находится на этой ступени, являются определенное самоуважение, более скрытое и глубоко укоренившееся, чем это было до того, как они получили эти милости от Бога; определенное тайное презрение к другим, которых они видят так далеко позади себя, и определенная жестокость по отношению ко греху и грешникам; рвение Святого Иоанна перед сошествием Святого Духа, когда он хотел призвать огонь с небес на самаритян, чтобы истребить их; определенная уверенность в своей собственной безопасности и добродетели; тайная гордыня, которая заставляет их особенно скорбеть о проступках, которые они совершают публично: они присваивают себе они используют дары Божьи и относятся к ним так, как если бы они были их собственными: они забывают о слабости и бедности в силе, которой они обладают; так что они теряют всякое недоверие к себе. Хотя все это и многое другое можно обнаружить у людей на этой ступени, они сами не осознают этого; но эти недостатки дадут о себе знать со временем. Благодать, которую они так сильно ощущают в себе, является для них гарантией того, что им нечего бояться, и они позволяют себе говорить, не получая божественного поручения.

Они стремятся донести то, что они чувствуют, до всех остальных. Это правда, что они полезны другим, ибо их пламенные слова завладевают сердцами тех, кто их слышит; но помимо того факта, что они не могут делать то добро, которое они могли бы сделать, если бы Бог позволил им делиться с другими тем, что они получили, они отдают по своей необходимости, а не от избытка; так что они истощают себя; подобно тому, как вы видели несколько лужиц воды под фонтаном. Только фонтан отдает все свое изобилие, и бассейны только передают друг другу ту полноту, которая им сообщается; но если фонтан закрыть или повернуть в сторону, и бассейны перестанут переливаться, то, поскольку они отрезаны от источника, они пересыхают. Это именно то, что происходит с теми, кто находится на таком уровне. Они хотят постоянно посылать свою воду, и только с опозданием они понимают, что вода, которая у них была, предназначалась только для них самих, и что они не в состоянии передавать ее, потому что они не связаны с источником. Они подобны бутылочкам с духами, которые оставили открытыми: они находят столько сладости в исходящем от них аромате, что не замечают потерь, которые несут сами. Тем не менее, они, по-видимому, практикуют добродетель без каких-либо усилий, поскольку они заняты только общей любовью, без причины или мотива. Если вы спросите их, что они делают в течение дня, они скажут вам, что любят; но если вы спросите, почему они любят, они скажут вам, что не знают; они знают только, что любят, и что они сгорают от желания страдать за объект своей любви. Вы можете спросить, не вид ли страданий их Возлюбленного внушает им страстное желание страдать вместе с Ним, но они ответят, что мысль о Его страданиях даже не приходила им в голову. Это не желание подражать добродетелям, которые они видят в Нем, потому что они не думают о них, и не вид Его красоты, который восхищает их, потому что они не смотрят на нее. Только они чувствуют в глубине своего сердца глубокую рану, но такую восхитительную, что успокаиваются в своей боли и находят удовольствие в своем горе.

Теперь они верят, что достигли завершения всего, ибо, хотя они полны недостатков, о которых я упомянул, и многих других, еще более опасных, которые лучше воспринимаются в следующей степени, чем в этой, они пребывают в своем воображаемом совершенстве и останавливаются на средствах, которые они ошибочно принимают за цель, они оставались бы неподвижными, если бы Бог не привел поток, который сейчас подобен мирному озеру на вершине горы, к подножию холма, чтобы ускорить его и направить в русло, которое будет более или менее быстрым в зависимости от обстоятельств. глубина его падения.

Мне кажется, что даже самые продвинутые на этой ступени имеют привычку скрывать свои недостатки как от самих себя, так и от других, всегда находя оправдания и смягчения; не намеренно, а из определенной любви к собственному совершенству и привычного притворства, под которым они прячутся. Недостатки, которые вызывают у них глубочайшее беспокойство, - это те, которые наиболее очевидны для других. У них есть скрытая любовь к себе, более сильная, чем когда-либо, уважение к собственному положению, тайное желание привлекать к себе внимание, притворная скромность, легкость в суждении о других и предпочтение личной преданности, а не домашним обязанностям, что делает их причиной многих грехов окружающих. Это имеет огромное значение. Душа, чувствуя, что ее влечет так сильно и сладостно, желает всегда быть одной и в молитве, что порождает два зла: первое, что в периоды наибольшей свободы она проводит слишком много времени в одиночестве; второе, что, когда ее энергия любви истощается, как это часто бывает подобным образом, у нее нет такой же силы во времена засухи; ей трудно оставаться так долго в молитве; она с готовностью сокращает время; ее мысли блуждают по внешним объектам; тогда она обескуражена и подавлена, думая,

что все потеряно, и делает все напрасно. его сила восстановить себя в присутствии и благоволении Бога.

Но если бы такие люди были достаточно сильны, чтобы жить ровной жизнью и не стремиться делать больше в периоды изобилия, чем во времена бесплодия, они удовлетворили бы каждого. Как бы то ни было, они доставляют беспокойство окружающим, к которым они не могут снизойти, делая одолжение жертвовать собой ради удовлетворения других: они хранят суровое молчание, когда в этом нет необходимости, а в другое время непрестанно говорят о делах Божьих. Жена стесняется доставлять удовольствие своему мужу, развлекать его, гулять с ним или пытаться развлечь его, но не стесняется двухчасовых бесполезных разговоров с религиозными деятелями. Это ужасное злоупотребление. Мы должны быть усердны в выполнении всех обязанностей, какой бы их природы они ни были; и даже если они причиняют нам неудобства, мы все же найдем в этом большую пользу, возможно, не так, как мы себе представляем, а в том, что ускорим самораспятие. Кажется даже, что наш Господь показывает, что такая жертва угодна Ему благодатью, которую Он изливает на нее. Я знал женщину, которая, играя в карты со своим мужем, чтобы доставить ему удовольствие, испытывала такое глубокое и интимное общение с Богом, какого она никогда не испытывала в молитве, и то же самое было со всем, что она делала по желанию своего мужа; но если она пренебрегала этими вещами ради других, которые, по ее мнению, были лучше, она сознавала, что не поступает по воле Божьей. Это не мешало ей часто совершать ошибки, потому что привлекательность медитации и счастье преданности, которые предпочтительнее этих очевидных потерь времени, незаметно уводят душу прочь и заставляют ее изменить свой курс, а это большинством людей рассматривается как святость. Однако те, кого следует учить пути веры, недолго остаются в этих заблуждениях, потому что, поскольку Бог намеревается вести их к лучшему, Он заставляя их осознать свою ущербность. Часто случается также, что люди, умерщвляя себя и действуя вопреки своим естественным склонностям, чувствуют, что их сильнее влечет к своему внутреннему покою; ибо для человека естественно сильнее всего желать того, чего ему труднее всего достичь, и сильнее всего желать тех вещей, которых он наиболее серьезно решает избегать. Эта трудность, связанная с возможностью наслаждаться лишь частичным отдыхом, увеличивает их покой и заставляя их даже во время активности чувствовать, что на них воздействуют с такой силой, что кажется, что внутри них две души, причем внутренняя бесконечно сильнее внешней. Но если они оставят свои обязанности, чтобы посвятить время преданности, они обнаружат, что это пустая форма, и вся ее радость будет утрачена. Под преданностью я подразумеваю не обязательную молитву, которую совершают как обязанность, которой нельзя избежать; под активностью я также не понимаю труды по их собственному выбору, но те, которые входят в сферу позитивного долга. Если в их распоряжении есть свободное время, во что бы то ни стало позвольте им провести его в молитве; они также не должны возлагать на себя ненужное бремя и называть это обязательствами. Когда вкус к медитации очень велик, душа обычно впадает не в эти последние ошибки, а скорее в первую, в стремление к уединению. Я знал человека, который проводил в молитве больше времени, когда ей было больно, чем когда она испытывала наслаждение, борясь с нежеланием; но это вредно для здоровья из-за насилия, которое это наносит чувствам и рассудку, которые, будучи неспособными сосредоточиться на каком-либо одном объекте и будучи лишены сладостного общения, которое раньше держало их в повиновении Богу, терпят такие мучения, что субъект этого скорее подвергнется величайшему испытанию, чем насилию, которое необходимо, чтобы дать ему возможность сосредоточить свои мысли на Боге. Особа, о которой я упоминал, иногда проводила два или три часа подряд в

этом мучительном богослужении, и она заверила меня, что самые странные аскезы были бы для нее восхитительны по сравнению с проведенным таким образом временем. Но поскольку столь сильное насилие над столь слабыми субъектами рассчитано на разрушение как тела, так и ума, я думаю, что лучше никоим образом не регулировать время, проводимое в молитве, нашими различными эмоциями. Эта болезненная сухость, о которой я говорил, относится только к первой степени веры и часто является следствием истощения; и все же те, кто прошел через это, воображают себя мертвыми и пишут и говорят об этом как о самой печальной части духовной жизни. Это правда, что они не познали противоположного опыта, и часто у них не хватает мужества пройти через это, ибо в этой скорби душа оставлена Богом, который лишает ее Своей разумной помощи, но, тем не менее, это вызвано чувствами, потому что, привыкнув видеть и осязать, и никогда не испытывая подобных лишений, они впадают в отчаяние, которое, однако, непродолжительно, ибо силы души тогда не в состоянии долго выдерживать такое давление; она либо вернется искать духовной пищи, либо откажется от всего. Вот почему Господь неизменно возвращается: иногда Он даже не допускает прекращения молитвы до Своего повторного появления; и если Он не возвращается в течение часа молитвы, Он приходит более явным образом в течение дня.

Кажется, что Он раскаялся в страданиях, которые причинил душе Своей возлюбленной, или что Он хотел бы ростовщичеством отплатить ей за то, что она выстрадала из-за Его любви. Если это утешение длится много дней, оно становится болезненным. Она называет Его милым и жестоким: она спрашивает Его, ранил ли Он ее только для того, чтобы она могла умереть. Но этот добрый Любовник смеется над ее болью и наносит на рану такой сладкий бальзам, что она могла бы попросить, чтобы ей постоянно наносили свежие раны, чтобы она всегда находила новое наслаждение в исцелении, которое не только восстанавливает ее прежнее здоровье, но и наделяет его еще более обильным.

До сих пор это была всего лишь игра любви, к которой душа легко привыкла бы, если бы ее Возлюбленный не изменил Своего поведения. О бедные сердца, которые жалуются на полет любви! Вы не знаете, что это всего лишь фарс, попытка, образец того, что должно последовать. Часы отсутствия отмечают дни, недели, месяцы и годы. Вы должны научиться быть щедрыми за свой счет, позволять своему Любимому приходить и уходить, когда Ему заблагорассудится. Я, кажется, вижу этих юных невест. Они на пике горя, когда их покидает Возлюбленный: они оплакивают Его отсутствие, как смерть, и стараются, насколько могут, предотвратить Его уход. Эта любовь кажется глубокой и сильной, но это ни в коем случае не так. Они оплакивают удовольствие, которое получают при виде своего Возлюбленного. Они ищут своего собственного удовлетворения, потому что, если бы это было удовольствие их Возлюбленного, они бы радовались удовольствию, которое Он находил отдельно от них, так же сильно, как и тому, что Он находил с ними. Так что это эгоистичная любовь, хотя им она таковой не кажется; напротив, они верят, что любят Его только таким, какой Он есть. Это правда, бедняжки, вы любите Его таким, какой Он есть, но вы любите Его из-за удовольствия, которое находите в том, какой Он есть. Вы отвечаете, что готовы пострадать за своего Возлюбленного. Верно, при условии, что Он будет свидетелем и спутником ваших страданий. Вы говорите, что не желаете вознаграждения. Я согласен; но вы действительно желаете, чтобы Он знал о ваших страданиях и одобрял их. Вы хотите, чтобы Он получал от этого удовольствие. Есть ли что-нибудь более правдоподобное, чем желание, чтобы Тот, за кого мы страдаем, знал об этом, одобрял это и получал от этого удовольствие? О, как сильно ты ошибаешься в своих расчетах! Твой ревнивый Любовник не позволит тебе насладиться удовольствием, которое ты получаешь, видя, как Он

удовлетворен твоим горем. Вы должны страдать так, чтобы Он этого не увидел, не одобрил и не узнал. Это было бы слишком большим удовлетворением. Какую боль мы не перенесли бы при таких условиях! Что! знать, что наш Возлюбленный видит наши беды и получает от них бесконечное удовольствие! Это слишком большое удовольствие для щедрого сердца! И все же я уверен, что величайшая щедрость тех, кто находится на такой ступени, никогда не выходит за рамки этого. Но страдать без любимых не подозревая об этом, когда он, кажется, презирает то, что мы делаем, чтобы угодить ему, и отвернуться от нее; есть только презрение за то, что раньше казалось привлекательным него, чтобы увидеть его погасить со страшной холодностью и расстояние, что мы делаем ради него одного, и со страшной рейсы все наше стремление к нему; потерять безропотно все, что он когда-то дали в качестве залога своей любви, и что мы думаем мы погашена нашу любовь, верность, и наши страдания, и не только безропотно терпеть себя таким образом ограблению, но видеть другие, обогащенный нашу добычу, и тем не менее не перестают делать что бы радовать наших отсутствующего любовника; не прекращать следовать за ним; а если на измене или сюрприз мы останавливаемся на мгновение, чтобы удвоить скорость, не опасаясь или созерцания пропасти, хотя мы упали в тысячу раз, пока мы так устаем, что мы теряем нашу силу, и умирают от постоянной усталости; когда, возможно, если наш любимый оборачивается и смотрит на нас, его взгляд восстанавливает жизнь по изысканное удовольствие это дает; пока наконец он не становится настолько жесток, что позволяет нам умирать из-за отсутствия помочь: все это, я говорю, принадлежит не этому государству, но то, что следует. Здесь я должен заметить, что ступень, о которой я говорил, длится очень долго, по крайней мере, если Бог не желает, чтобы душа достигла больших успехов; и многие, как я уже сказал, никогда ее не преодолевают.

ГЛАВА VI.

ВТОРАЯ СТЕПЕНЬ ПАССИВНОГО ПУТИ ВЕРЫ —КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ ЭТОЙ СТУПЕНИ—ВСТУПЛЕНИЕ В НЕЕ И БЕСПОЛЕЗНЫЕ УСИЛИЯ ИЗБЕЖАТЬ ЕЕ—ГРАДАЦИИ И ПРОДВИЖЕНИЯ НА ЭТОЙ СТУПЕНИ, ПРИ КОТОРЫХ ПРОИСХОДЯТ ЧАСТЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ХРИСТА В ДУШЕ —ИСПОЛЬЗОВАНИЕ И ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ, КОТОРЫЕ ОНА СОВЕРШАЕТ ПО ОТНОШЕНИЮ К НИМ, ИЗ-ЗА ЧЕГО ОНА ПРИХОДИТ К МИСТИЧЕСКОЙ СМЕРТИ ИЛИ К ТРЕТЬЕЙ СТЕПЕНИ ЭТОГО ПАССИВНОГО ПУТИ ВЕРЫ.

Поток, достигший вершины холма, переходит в то же время во *вторую ступень пассивного пути веры*. Эта душа, которая так мирно покоилась на вершине горы, и не думала покидать ее. Однако из-за отсутствия спада эти Небесные воды, оставаясь на земле, становились загрязненными; ибо есть такая разница между стоячими водами, которые не имеют выхода, и теми, которые находятся в движении и имеют выход, что первые, за исключением моря и тех больших озер, которые похожи на него, разлагаются, и отсутствие движения приводит к их разрушению. Но когда, покинув свой источник, они получают легкий выход, то чем быстрее они текут, тем лучше сохраняются.

Вы помните, я уже говорил об этой душе, что, как только Бог наделил ее даром *пассивной веры*, Он в то же время дал ей инстинкт стремиться к Нему как к своему центру; но в своей неверности она своим покоем подавляет этот инстинкт искать Бога и оставалась бы неподвижной, если бы

Бог не оживил этот инстинкт, приведя ее к краю горы, откуда она вынуждена низвергнуться. Сначала чувствуется, что оно утратило то спокойствие, которое ожидало сохранить навсегда. Его воды, прежде такие спокойные, начинают шуметь. В его волнах видно смятение; они набегают и разбегаются. Но куда они бегут? Увы! как они воображают, это к их собственной гибели. Если бы в их власти было желать чего-либо, они хотели бы обуздать себя и вернуться к своему прежнему спокойствию. Но это невозможно. Уклон найден; они должны быть перенесены со склона на склон. Это больше не вопрос пропасти или потери. Вода, то есть душа, всегда появляется вновь и никогда не теряется в такой степени. Она бурлит и осаждается; одна волна следует за другой, а другая подхватывает ее и разбивает своими осадками. Тем не менее, эта вода находит на склоне горы определенные плоские места, где ей требуется небольшое расслабление. Он наслаждается чистотой своих вод; и он видит, что его водопады, его течение, это разбивание волн о скалы сделали его более чистым. Оно чувствует себя избавленным от шума и буй и думает, что теперь оно нашло свое пристанище; и оно верит в это тем охотнее, что не может сомневаться в том, что состояние, через которое оно только что прошло, значительно очистило его, ибо оно видит, что его воды стали чище, и оно больше не ощущает неприятного запаха, который придавали ему некоторые застоявшиеся части на вершине горы; оно даже приобрело определенное понимание своего собственного состояния; оно увидело по беспокойному состоянию своих страстей (волн), что они не исчезли, а только уснули. Как когда он спускался с горы, на своем пути к этому уровню, он думал, что сбился с пути, и не имел надежды вернуть утраченный покой, так и теперь, когда он больше не слышит плеска своих волн, что он обнаруживает, что спокойно и приятно течет по песку, он забывает о своей прежней тревоге и никогда не воображает, что она вернется: он видит, что обрел свежую чистоту, и не боится, что снова запачкается; ибо здесь вода не застаивается, а течет так мягко и ярко, как только возможно. Ах, бедный поток! Ты думаешь, что нашел свое пристанище и прочно обосновался в нем! Ты начинаешь восхищаться своими водами. Лебеди скользят по ним и радуются их красоте. Но каково же ваше удивление, когда, пока вы так счастливо плывете вперед, вы внезапно натываетесь на более крутой склон, более длинный и опасный, чем первый! Затем поток возобновляет свое буйство. Раньше это был лишь умеренный шум; теперь он невыносим. Он обрушивается с грохотом, более сильным, чем когда-либо. Едва ли можно сказать, что у него есть постель, потому что он падает со скалы на скалу и обрушивается вниз без всякого порядка или причины; он пугает всех своим шумом; все боятся приблизиться к нему. Ах, бедный поток! что ты будешь делать? В своей ярости ты сметаешь все, что встает у тебя на пути; ты не чувствуешь ничего, кроме склона, по которому тебя торопят, и ты думаешь, что заблудился. Нет, не бойся; ты не потерян, но время твоего счастья еще не пришло. До этого должно быть еще много беспорядков и потерь; вы только начали свой путь.

Наконец этот стремительный поток чувствует, что достиг подножия горы и другого ровного места. Оно вновь обретает свое прежнее спокойствие и даже более глубокое; и после того, как в этих изменениях прошли, возможно, годы, оно переходит на третью ступень, прежде чем говорить о которой, я коснусь состояния тех, кто вступает в нее, и первых шагов в ней. Душа, проведя некоторое время в спокойствии, о котором мы говорили, которое, как она воображает, она обрела навсегда, и, как она полагает, приобретая все добродетели в их полном объеме, полагая, что все ее страсти умерли; когда она ожидает в наибольшей безопасности наслаждаться счастьем, которое она не боится потерять, она с удивлением обнаруживает, что вместо того, чтобы подняться выше или, по крайней мере, остаться в своем нынешнем положении, она приходит к склону горы. К своему изумлению, он начинает ощущать склонность

к тому, от чего отказался. Она видит, как внезапно нарушается ее глубокое спокойствие; отвлечения приходят толпами, одно за другим; душа находит на своем пути только камни, сухость и безжизненность. В молитве возникает чувство отвращения. Все его страсти, которые он считал мертвыми, но которые только спали, оживают.

Оно совершенно поражено этой переменой. Оно хотело бы либо вернуться на вершину горы, либо, по крайней мере, остаться там, где оно есть; но этого не может быть. Обнаружен спад, и душа должна пасть (не в грех, а в лишение прежней ступени и чувства). Оно делает все возможное, чтобы подняться после падения; оно делает все, что в его силах, чтобы сдерживать себя и цепляться за какое-нибудь религиозное упражнение; оно прилагает усилия, чтобы вернуть свой прежний покой; оно ищет уединения в надежде вернуть его. Но его труд напрасен. Он смиряется со своим унынием и ненавидит грех, который его вызвал. Он жаждет все исправить, но не может найти средств для этого; поток должен идти своим путем; он увлекает за собой все, что ему противостоит. Затем, видя, что она больше не находит поддержки в Боге, она ищет ее в творении; но она не находит ее; и ее неверность только усиливает ее опасения. Наконец, бедная невеста, не зная, что делать, повсюду оплакивая потерю своего Возлюбленного, преисполняется изумления, когда Он снова открывается ей. Сначала она была очарована этим зрелищем, так как боялась, что потеряла Его навсегда. Она тем более счастлива, потому что обнаруживает, что Он принес с Собой новое богатство, новую чистоту, большое недоверие к себе. У нее больше нет желания останавливаться, как было раньше; она продолжает двигаться непрерывно, но мирно и мягко, и все же она боится, что ее покой будет нарушен. Она дрожит от страха, что снова потеряет сокровище, которое для нее еще дороже, потому что она так остро переживала его потерю. Она боится, что может вызвать Его неудовольствие и Он снова оставит ее. Она старается быть более верной Ему и не ограничиваться средствами.

Однако этот покой увлекает душу, восхищает ее и делает праздной. Она не может не ощущать своего покоя и желает всегда быть одна. Оно снова обрело духовную жадность. Лишить его одиночества - значит лишить его жизни. Оно еще более эгоистично, чем раньше, а то, чем оно обладает, еще более восхитительно. Кажется, что он находится в новом покое. Все идет спокойно, как вдруг начинается другой спуск, более крутой и длинный, чем предыдущий. Его внезапно охватывает новое удивление; он пытается удержаться, но тщетно; он должен упасть; он должен броситься со скалы на скалу. Оно с удивлением обнаруживает, что утратило любовь к молитве и преданности. Продолжая в этом, оно совершает насилие над собой. На каждом шагу оно находит только смерть. То, что раньше оживляло его, теперь стало причиной его смерти. Его покой исчез, оставив беспокойство и волнение, более сильные, чем когда-либо, вызванные как страстями, которые возрождаются (хотя и против его воли) с тем большей силой, с какой они казались более угасшими, так и страданиями, которые внешне увеличиваются и которые у него нет сил переносить. Она вооружается терпением; она плачет, стонет и испытывает беспокойство. Невеста жалуется, что ее Возлюбленный оставил ее; но ее жалобы остаются без внимания. Жизнь стала для нее смертью. Все хорошее ей кажется трудным, но у нее есть склонность ко злу, которое ее отталкивает. Но она не может найти покоя в творении, вкусив от Творца. Она мчится все яростнее; и чем круче скалы и чем больше препятствий на ее пути, тем больше она удваивает свою скорость. Она подобна голубке из ковчега, которая, не найдя покоя для своей стопы, была вынуждена вернуться. Но увы! что мог бы сделать бедный голубь, если бы, когда он захотел вернуться в ковчег, Ной не протянул руку, чтобы взять его? Он мог только порхать вокруг ковчега, ища покоя, но не находя его. И вот эта бедная голубка порхает вокруг

ковчега, пока Божественный Ной, сжалившись над ее горем, не открывает дверь и не принимает ее к Себе. О, чудесное и любящее изобретение благодати Божьей! Он только ускользает от поиска души, чтобы заставить ее быстрее бежать к Нему. Он прячется, чтобы Его могли искать. Он, очевидно, позволяет ей упасть, чтобы иметь радость поддержать ее и поднять. О, сильные и энергичные, которые никогда не испытывали этих ухищрений любви, этой кажущейся ревности, этих полетов, прекрасных для души, прошедшей их, но ужасных для тех, кто их испытывает! Я говорю вам, кто не знает этого полета любви, потому что вы удовлетворены постоянным присутствием вашего Возлюбленного; или, если Он и прячется, то на такое короткое время, что вы не можете судить о радости Его присутствия по боли долгого отсутствия; вы никогда не испытывали своей слабости и своей потребности в Его помощи; но те, кто таким образом оставлен, учатся больше не полагаться на себя, а только на Любимого. Его суровость сделала Его мягкость еще более необходимой для них.

Эти люди часто совершают ошибки из-за явной слабости и потому, что они лишены всякой разумной поддержки; и эти ошибки настолько наполняют их стыдом, что, если бы они могли, они бы спрятались от своих Возлюбленных. Увы! в ужасном смятении, в которое они повергнуты, Он дает им взглянуть на Себя. Он прикасается к ним Своим скипетром, как другой Артаксеркс (Есфирь, ст. 2), чтобы они не умерли; но Его нежные ласки только усиливают их замешательство при мысли о том, что они вызвали Его неудовольствие. В других случаях Он Своей суровостью дает им понять, насколько Ему неприятна их неверность. О! тогда, если бы они могли обратиться в прах, они бы это сделали. Они сделали бы все, чтобы возместить ущерб, нанесенный Богу; и если каким-либо незначительным пренебрежением, которое им кажется преступлением, они оскорбили своего ближнего, то какой ответ они не желают получить? Но прискорбно видеть состояние той, кто прогнала своего Возлюбленного. Она не перестает бежать за Ним, но чем быстрее она бежит, тем дальше, кажется, Он оставляет ее позади; и если Он останавливается, то лишь на мгновение, чтобы она могла отдышаться. Теперь она чувствует, что должна умереть; ибо она больше ни в чем не находит жизни; все стало для нее смертью; молитва, чтение, беседа — все умерло: она теряет радость служения, или, вернее, она умирает для него, выполняя его с такой болью и усталостью, что это для нее как смерть. Наконец, после хорошей, но бесполезной борьбы, после долгой череды конфликтов и отдыха, жизней и смертей, она начинает видеть, как она злоупотребила благодатью Божьей, и что это состояние смерти для нее лучше, чем жизнь; ибо, когда она видит, что ее Возлюбленный возвращается, и обнаруживает, что она владеет Им более чисто, и что состояние, предшествовавшее ее ликованию, было для нее очищением, она добровольно отдает себя *смерти* приходу и уходу своего Возлюбленного, предоставляя Ему полную свободу уходить, когда Он пожелает. Она получает наставления по мере своих сил. Мало-помалу она теряет радость от самой себя и, таким образом, готовится к новым условиям.

Но прежде чем говорить об этом, позвольте мне сказать, что по мере продвижения души ее радости становятся короткими, простыми и чистыми, а лишения долгими и мучительными, пока она не утрачивает свою *собственную* радость, чтобы больше не находить ее: и это *третья степень, смерти, погребения и разложения*. Эта вторая степень заканчивается смертью и дальше не идет.

ГЛАВА VII.

Раздел I.

ТРЕТЬЯ СТЕПЕНЬ ПАССИВНОГО ПУТИ ВЕРЫ, В ЕГО НАЧАЛЕ И ЕГО ПРОДВИЖЕНИИ ЧЕРЕЗ РАЗЛИЧНЫЕ ОСОБЫЕ СМЕРТИ К ПОЛНОЙ СМЕРТИ, ПОГРЕБЕНИЮ И РАЗЛОЖЕНИЮ — ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЭТОГО ПЕРЕХОДА, ПРИ КОТОРОМ НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ НИ ПРОДВИЖЕНИЯ ЗА ПРЕДЕЛЫ ВЕРЫ, НИ КАКОГО—ЛИБО ОТСТУПЛЕНИЯ — РАЗГРАБЛЕНИЕ ДУШИ И ТРИ ЕГО СТЕПЕНИ — ПЕРВАЯ СТЕПЕНЬ, КОТОРАЯ КАСАЕТСЯ ДАРОВ, МИЛОСТЕЙ И ОДОЛЖЕНИЙ, ИЛИ УКРАШЕНИЙ - ЕГО НЕОБХОДИМОСТЬ И ПОСЛЕДСТВИЯ.

Вы видели умирающих людей, которые после того, как их сочли мертвыми, внезапно обрели новую силу и сохраняли ее до самой смерти; подобно лампе, масло в которой израсходовано, мерцает в окружающей темноте, но только для того, чтобы погаснуть еще быстрее: так душа извергает пламя, которое длится лишь мгновение. Оно храбро сопротивлялось смерти, но его масло иссякло: Солнце Праведности настолько иссушило его, что оно вынуждено умереть. Но замышляет ли это Солнце что-нибудь еще своими яростными лучами, кроме пожирания души? И бедная душа, обожженная таким образом, думает, что она замерзла! Правда в том, что мучения, которые он испытывает, мешают ему осознать природу своей боли. Пока Солнце было скрыто облаками и испускало лучи в известной степени умеренными, оно ощущало жар и думало, что горит, в то время как на самом деле оно было лишь слегка согрето; но когда Солнце осветило его полностью, тогда душа почувствовала, что горит, не веря, что она настолько сильно согрета. О любящий обман! О сладкая и жестокая Любовь! Есть ли у вас возлюбленные только для того, чтобы так обманывать их? Вы раните эти сердца, а затем прячете свои стрелы и заставляете их преследовать то, что ранило их. Ты привлекаешь их и показываешься им, а когда они жаждут обладать тобой, ты убегаешь от них. Когда вы видите душу, доведенную до последней крайности и задыхающуюся от постоянного преследования, вы на мгновение показываете себе, что она может вернуться к жизни только для того, чтобы быть убитой тысячу раз со все возрастающей жестокостью.

О суровый Любовник! невинный убийца! Почему Ты не убиваешь одним ударом? Зачем поить вином умирающее сердце и восстанавливать жизнь для того, чтобы снова разрушить ее? Это Твоя забава. Ты ранишь насмерть; и когда Ты видишь, что жертва на грани смерти, Ты исцеляешь одну рану, чтобы нанести другую! Увы! обычно мы умираем всего один раз; и самые жестокие убийцы во времена гонений, хотя и продлевали жизнь, это правда, но довольствовались тем, что уничтожали ее всего один раз. Но Ты, менее сострадательный, чем они, раз за разом отнимаешь у нас жизнь и восстанавливаешь ее снова.

О жизнь, которую нельзя потерять без стольких смертей! О смерть, которая может быть достигнута только потерей стольких жизней! Может быть, эта душа, после того как ты поглотилшь ее в Своей груди, насладится своим Возлюбленным. Это было бы для нее слишком большим счастьем: она должна подвергнуться еще одной пытке. Это должно быть *похоронено* и обращено в *пепел*. Но, возможно, тогда оно достигнет конца своих страданий, ибо тела, которые разлагаются, больше не страдают. О! с душой дело обстоит иначе: она постоянно

страдает; и погребение, разложение и небытие ощущаются ею даже более остро, чем сама смерть.

Эта ступень *смерти* чрезвычайно долгая, и поскольку я уже говорил, что очень немногие проходят другие ступени, я утверждаю, что гораздо меньше проходят эту. Многие люди были поражены, увидев, как очень святые люди, которые жили как ангелы, умирают в ужасных муках и даже отчаявшись в своем спасении. Это потому, что они умерли этой мистической смертью; и поскольку Бог хотел способствовать их продвижению, поскольку они были близки к своему концу, Он удвоил их скорбь. Работа по очищению души должна быть полностью предоставлена Богу. Он выполнит свою работу в совершенстве, и душа поддержит разграбление и смерть, не чиня препятствий на этом пути. Но делать эту работу для себя - значит потерять все и превратить божественное состояние в мерзкое. Есть люди, которые, услышав об этом разграблении, совершили его для себя и всегда остаются неподвижными; ибо, поскольку раздевание - это их собственная работа, Бог не облачает их в Себя. Замысел Бога, обнажающего душу, состоит в том, чтобы снова одеть ее. Он обедняет только для того, чтобы обогатиться, и Он заменяет Себя всем, что забирает, чего не может быть с теми, чье разграбление - их собственная работа. Они действительно теряют дары Божьи, но взамен не обладают Самим Богом.

В этой степени душа не научилась позволять раздевать себя, опустошать, обеднять, убивать; и все ее усилия поддержать себя будут лишь ее невосполнимой потерей, ибо она стремится сохранить жизнь, которая должна быть потеряна. Подобно тому, как человек, желающий заставить лампу погаснуть, не гася ее, должен был бы только перестать снабжать ее маслом, и она погасла бы сама по себе; но если бы этот человек, настойчиво выражая желание, чтобы лампа погасла, продолжал время от времени пополнять ее маслом, лампа никогда бы не погасла: то же самое происходит и с душой на этой ступени, которая держится, хотя и слабо, за жизнь. Если оно утешит себя, не допустит, чтобы его убили, одним словом, если оно совершит какие-либо жизненные действия, какими бы они ни были, оно тем самым отсрочит свою смерть. О бедная душа! не сражайся больше со смертью, и ты будешь жить своей смертью. Мне кажется, я вижу перед собой тонущего человека; он прилагает все усилия, чтобы подняться на поверхность воды; он держится за все, что попадает ему под руку; он сохраняет свою жизнь до тех пор, пока у него есть силы; он тонет только тогда, когда эти силы иссякают. Так бывает с христианами. Они стараются как можно дольше предотвращать свою смерть; только отсутствие всякой силы заставляет их умирать. Бог, желающий ускорить эту смерть и имеющий к ним сострадание, отсекает руки, которыми они цепляются за опору, и таким образом вынуждает их погрузиться в пучину. Кресты множатся, и чем больше они множатся, тем больше становится беспомощность нести их, так что кажется, что их никогда нельзя будет вынести. Самая болезненная часть этого состояния заключается в том, что неприятности всегда начинаются по какой-то вине страдальца, который считает, что сам навлек их на себя.

В конце концов душа приходит в полное отчаяние от самой себя. Она соглашается с тем, что Бог должен лишить ее радости от Своих даров, и признает, что Он поступает справедливо, поступая так. Он даже не надеется снова овладеть этими дарами.

Когда те, кто находится в таком состоянии, видят других, которые явно живут в общении с Богом, их страдания удваиваются, и они погружаются в ощущение собственного ничтожества. Они жаждут иметь возможность подражать им, но, видя, что все их усилия бесполезны, они вынуждены умереть. Они говорят языком Священного Писания: "То, чего я очень боялся,

постигло меня” (Иов iii. 25). Что? они говорят: потерять Бога, и потерять Его навсегда, без надежды когда-либо найти Его снова! Быть лишенным любви на время и на вечность! Быть неспособной любить Того, кто, я знаю, так достоин моей привязанности!

О! разве недостаточно, Божественный Возлюбленный, отвергнуть свою супругу, отвернуться от нее, не заставляя ее терять любовь, и терять ее, как кажется, навсегда? Она считает, что потеряла его, и все же она никогда не любила сильнее и чище. Она действительно утратила энергию, осязаемую силу любви; но она не утратила саму любовь; напротив, она обладает ею в большей степени, чем когда-либо. Она не может в это поверить, и все же это легко узнать, ибо сердце не может существовать без любви. Если она не любит Бога, ее привязанность сосредоточена на каком-то другом объекте; но здесь невеста Христова далека от того, чтобы получать удовольствие от чего бы то ни было. Она рассматривает бунт своих страстей и свои невольные проступки как ужасные преступления, которые навлекают на нее ненависть ее Возлюбленного. Она стремится очиститься, но как только она моется, ей кажется, что она проваливается в трясину, еще более грязную, чем та, из которой она только что выбралась. Она не видит, что именно из-за того, что она бежит, она заражается осквернением и так часто падает, но ей так стыдно бежать в таком состоянии, что она не знает, где спрятаться. Ее одежда испачкана; в гонке она теряет все, что у нее есть.

Ее Жених помогает ей в разграблении по двум причинам: первая, потому что она запачкала свои прекрасные одежды тщеславной услужливостью и присвоила дары Божьи из чувства собственного достоинства. Второе, потому что во время бега ей будет мешать это бремя присвоения; даже страх потерять такое богатство уменьшит ее скорость.

О бедная душа! во что ты превратилась? Прежде ты была предметом восхищения твоего Жениха, когда Он получал такое удовольствие, украшая тебя; теперь ты такая нагая, такая оборванная, такая бедная, что не осмеливаешься ни взглянуть на себя, ни предстать перед Ним. Те, кто смотрит на тебя, кто после стольких лет восхищения тобой видит тебя теперь такой обезображенной, верят, что либо ты сошла с ума, либо совершила какое-то великое преступление, из-за которого твой Возлюбленный покинул тебя. Они не видят, что этот ревнивый Муж, который желает, чтобы Его невеста принадлежала только Ему, видя, что она забавляется своими украшениями, что она наслаждается ими, что она влюблена в себя; видя это, говорю я, и что она иногда перестает смотреть на Него, чтобы посмотреть на себя, и что ее любовь к Нему остывает, потому что ее себялюбие так сильно, раздевает ее и уносит всю ее красоту и богатство у нее из глаз.

В изобилии своего богатства она находит удовольствие в созерцании самой себя: она видит в себе хорошие качества, которые вызывают ее привязанность и отдаляют ее от ее Жениха. В своей глупости она не видит, что справедлива только по отношению к красоте своего Возлюбленного; и что если бы Он снял их, она была бы настолько уродлива, что испугалась бы самой себя. Более того, она пренебрегает тем, чтобы следовать за Ним, куда бы Он ни пошел; она боится испортить цвет лица или потерять драгоценности. О ревнивая Любовь! как хорошо, что ты пришел наказать эту гордыню и отнять у нее то, что Ты дал, чтобы она научилась познавать саму себя и чтобы, будучи нагой и обездоленной, ничто не могло помешать ей идти своим путем.

Итак, таким образом, наш Господь мало—помалу раздевает душу, лишая ее украшений, всех ее даров, положения и благосклонности — то есть в том, что касается ее восприятия или

сознательного обладания ими, - которые подобны драгоценностям, отягощающим ее; затем Он отнимает у нее естественную способность к добру, которая является ее одеждой; после чего Он разрушает ее личную красоту, выражающую божественную добродетель, которую она считает невозможной практиковать.

Это разграбление начинается с милостей, даров и благосклонности осознанной любви. Невеста видит, что ее муж мало-помалу отнимает у нее то богатство, которым Он ее одарил. Сначала она очень обеспокоена этой потерей; но что беспокоит ее больше всего, так это не столько потеря своих богатств, сколько гнев ее Возлюбленного; ибо она думает, что Он в гневе забирает Свои подарки обратно. Она видит, как злоупотребляла ими, и какое наслаждение получала от них, и это так наполняет ее стыдом, что она готова умереть от смущения. Она позволяет Ему делать все, что Он пожелает, и не осмеливается сказать: “Почему Ты берешь у меня то, что Сам дал?” ибо она видит, что заслуживает этого, и молча наблюдает за происходящим.

Хотя она хранит молчание, сейчас оно не такое глубокое, как после; его нарушают смешанные рыдания и вздохи. Но она с удивлением обнаруживает, когда смотрит на своего Жениха, что он, кажется, сердится на нее за то, что она оплакивает Его справедливость по отношению к ней, за то, что он больше не дает ей возможности злоупотреблять Его подарками и за то, что она так легкомысленно относится к тому, как она злоупотребляла ими. Затем она пытается дать Ему понять, что ее не волнует потеря Его подарков, если только Он прекратит Свой гнев по отношению к ней. Она показывает Ему свои слезы и свое горе от того, что вызвала Его неудовольствие. Это правда, что она настолько остро чувствует гнев своего Возлюбленного, что больше не думает о своем богатстве. Позволив ей долго плакать, ее Возлюбленный, кажется, успокоился. Он утешает ее и собственной рукой осушает ее слезы. Какая радость для нее видеть новую доброту своего Возлюбленного после того, что она сделала! И все же Он не возвращает ей бывшего богатства, и она не жаждет его, будучи слишком счастлива, когда Он смотрит на Нее, утешает и ласкает. Сначала она принимает Его ласки с таким смущением, что не смеет поднять глаз, но, забыв о своих прошлых горестях в своем теперешнем счастье, она растворяется в новых ласках своего Возлюбленного, и, не думая больше о своих прошлых страданиях, она наслаждается и отдыхает в этих ласках, и тем самым заставляет Жениха снова разгневаться и ограбить ее заново.

Следует отметить, что Бог понемногу восполняет потерю; и чем слабее души, тем дольше продолжается разграбление; в то время как чем они сильнее, тем скорее оно завершается, потому что Бог лишает их чаще и большего количества вещей сразу. Но каким бы грубым ни было это разграбление, оно затрагивает только внешние излишества, то есть дары, милости и одолжения.

Это водительство Бога настолько чудесно и является результатом такой глубокой любви к душе, что в это никогда не поверят, кроме тех, кто испытал это на себе; ибо сердце настолько полно собой и настолько проникнуто самоуважением, что, если бы Бог не обращался с ним подобным образом, оно было бы потеряно.

Возможно, возникнет вопрос: если дары Божьи приводят к таким пагубным последствиям, то зачем они даны? Бог дает их в полноте Своей благости для того, чтобы отвлечь душу от греха, от привязанности к творению и вернуть ее к Себе. Но те же самые дары, которыми Он удовлетворяет ее — чтобы Он мог оторвать ее от земли и от себя, чтобы Она любила Его, по

крайней мере из благодарности, — мы используем, чтобы возбудить нашу любовь к себе и самолюбование, чтобы забавляться ими; и любовь к себе так глубоко укоренилась в человеке, что она усиливается этими дарами; ибо он находит в себе новые прелести, которых не открывал раньше; он наслаждается ими и присваивает себе то, что принадлежит только Богу. Это правда, Бог мог бы избавить его от этого, но Он не делает этого по причинам, известным только Ему Самому. Душа, таким образом ограбленная Богом, немного теряет свою любовь к себе и начинает видеть, что она была не так богата, как ей казалось, но что вся ее добродетель была во Христе; она видит, что злоупотребила Его благодатью, и соглашается, чтобы Он забрал Свои дары обратно. Невеста говорит: “Я буду богата богатствами моего Жениха, и хотя Он может сохранить их, все же, несмотря на мой союз с Ним в сердце и воле, они все равно будут моими”. Она даже рада потерять эти дары Божьи; она считает себя не обремененной, лучше приспособленной к ходьбе. Постепенно она привыкает к этому разграблению; она знает, что это пошло ей на пользу; она больше не огорчается из-за этого; и, поскольку она так красива, она убеждает себя, что не перестанет радовать своего Жениха своей естественной красотой и простой одеждой, насколько это было возможно со всеми ее украшениями.

Раздел II.

ВТОРАЯ СТЕПЕНЬ ОСКВЕРНЕНИЯ ДУШИ В ОТНОШЕНИИ ЕЕ ОДЕЯНИЙ ИЛИ ЕЕ СПОСОБНОСТИ К ВНЕШНЕЙ ПРАКТИКЕ ДОБРОДЕТЕЛИ — ЕЕ ПРИЧИНЫ, КОТОРЫЕ ЗАКЛЮЧАЮТСЯ В ПРИСВОЕНИИ ЭТИХ ДОБРОДЕТЕЛЕЙ И УДОВЛЕТВОРЕНИИ ИМИ ВМЕСТО ПРИЗНАНИЯ ЕСТЕСТВЕННОЙ БЕСПОМОЩНОСТИ И ОТСУТСТВИЯ ВСЯКОГО ДОБРА В СЕБЕ.

Когда бедная невеста надеется всегда жить в мире, несмотря на эту потерю, и ясно видит, какое благо это принесло ей, и какой вред она причинила себе из-за плохого использования подарков, которые теперь у нее отняли, она совершенно поражена, обнаружив, что Жених, который дал ей лишь временный покой из-за ее слабости, приходит с еще большей яростью, чтобы сорвать с нее одежду.

Увы, бедная невеста! что ты теперь будешь делать? Это гораздо хуже, чем раньше, потому что эти одежды необходимы ей, и это противоречит всем приличиям - позволить, чтобы с нее их снимали. О! именно сейчас она оказывает все возможное сопротивление. Она приводит все причины, по которым ее жених не должен оставлять ее обнаженной: она говорит Ему, что это навлечет позор на Него Самого. “Увы!” восклицает она. “Я утратила все добродетели, которыми Ты наградил меня, Твои дары, сладость Твоей любви! Но все же я был способен внешне исповедовать добродетель; я занимался делами милосердия; я усердно молился, даже несмотря на то, что был лишен Твоих ощутимых благ; но я не могу согласиться потерять все это. Я все еще была одета в соответствии со своим положением, и мир смотрел на меня как на Твою невесту; но если я сброшу свои одежды, это навлечет позор на Тебя”. “Это не имеет значения, бедняжка; ты должна согласиться и с этой потерей: ты еще не знаешь себя; ты веришь, что твоя одежда принадлежит тебе и что ты можешь пользоваться ею по своему усмотрению. Но хотя я приобрел его такой ценой, ты вернул его мне, как будто это было вознаграждением с твоей стороны за те труды, которые я вынес ради Тебя. Отпусти это; ты должен потерять это”. Душа, сделавшая все возможное, чтобы сохранить это, мало-помалу отпускает это и обнаруживает, что постепенно лишается этого. Он не обнаруживает склонности ни к чему; напротив, все ему

неприятно. Раньше у него были отвращения и трудности, но без абсолютного бессилия; но здесь у него отнята вся власть: его сила тела и разума полностью иссякает; остается только склонность к лучшему, и это последнее облачение, которое в конце концов должно быть потеряно.

Это делается очень постепенно, и процесс чрезвычайно болезненный, потому что невеста все это время видит, что это было вызвано ее собственной глупостью. Она не осмеливается заговорить, чтобы не рассердить Жениха, чей гнев для нее хуже смерти. Она начинает лучше узнавать себя, видеть, что сама по себе она ничто и что все принадлежит ее Жениху. Она начинает не доверять себе и мало-помалу теряет самоуважение.

Но она еще не ненавидит себя, потому что все еще красива, хотя и обнажена. Время от времени она бросает жалостливый взгляд на Жениха, но не произносит ни слова: ее огорчает Его гнев. Ей кажется, что похищение не имело бы большого значения, если бы она не оскорбила Его и не сделала себя недостойной носить свои свадебные одежды.

Если она была смущена, когда у нее впервые отняли богатство, то ее смущение при виде собственной наготы бесконечно более болезненно. Она не может предстать перед своим Женихом, так глубок ее стыд. Но она должна остаться и бегать туда-сюда в таком состоянии. Что? неужели ей даже не позволено прятаться? Нет; она должна появляться в таком виде на публике. Мир начинает относиться к ней не так высоко. Там говорится: “Это та невеста, которой когда-то восхищались ангелы и люди? Посмотрите, как она пала!” Эти слова усиливают ее замешательство, потому что она прекрасно понимает, что ее Жених поступил с ней справедливо. Она делает все, что в ее силах, чтобы убедить Его немного одеть ее, но Он ничего не сделает, после того как таким образом раздел ее совсем, потому что ее одежда удовлетворит ее, закрыв ее, и помешает ей увидеть себя такой, какая она есть.

Для души, считающей себя далеко продвинувшейся к совершенству, было бы большим сюрпризом увидеть себя в одночасье столь оскверненной. Она воображает, что старые грехи, от которых она когда-то очистилась, должно быть, вернулись. Но это ошибочно: секрет в том, что она была настолько скрыта своей одеждой, что невозможно было разглядеть, кем она была. Это ужасно для души - быть таким образом лишенной даров и милости Божьей, и невозможно, чтобы кто-либо знал или представлял, что это такое, не испытав этого на самом деле.

Раздел III.

ТРЕТЬЯ СТЕПЕНЬ РАЗОРЕНИЯ ДУШИ, КАСАЮЩАЯСЯ ЕЕ КРАСОТЫ ИЛИ ОЩУТИМОГО ДЕЙСТВИЯ БОЖЕСТВЕННОЙ ДОБРОДЕТЕЛИ — КАК БОГ ТАКИМ ОБРАЗОМ ВЕДЕТ ДУШУ К САМООТЧУЖДЕНИЮ И К ИСТИННОЙ ЧИСТОТЕ - ИНТЕРВАЛ ОТДЫХА, ЗА КОТОРЫМ СЛЕДУЕТ УВЕЛИЧЕНИЕ ЧИСЛА ПРЕДШЕСТВУЮЩИХ ОПЕРАЦИЙ, ПОКА ОНИ НЕ ЗАКОНЧАТСЯ МИСТИЧЕСКОЙ СМЕРТЬЮ.

Всего этого было бы мало, если бы невеста все еще сохраняла свою красоту; но Жених лишает ее и этого. До сих пор она была лишена даров, милостей и благосклонности (способности творить добро): она утратила все добрые дела, такие как внешняя благотворительность, забота

о бедных, готовность помогать другим, но она не утратила божественных добродетелей. Здесь, однако, они тоже должны быть утрачены в той мере, в какой это касается их практики, или, скорее, привычки применять их, приобретенной ею самой, чтобы казаться справедливой: на самом деле, они все это время насаждаются все сильнее. Она теряет добродетель как таковую, но только для того, чтобы снова обрести ее во Христе. Эта униженная невеста, как она себе представляет, преисполняется гордыни. Она, которая была такой терпеливой, которая так легко страдала, обнаруживает, что не может страдать ни от чего. Ее чувства возмущают ее постоянными отвлекающими факторами. Она больше не может сдерживать себя собственными усилиями, как раньше; и что еще хуже, она заражается осквернением на каждом шагу. Она жалуется своему Возлюбленному, что стражники, которые ходят по городу, нашли ее и ранили (Коран. ст. 7). Я должен, однако, сказать, что люди в таком состоянии грешат не по своей воле. Бог обычно открывает им такую глубоко укоренившуюся в них испорченность, что они восклицают вместе с Иовом: “О, если бы Ты сокрыл меня в могиле, если бы Ты хранил меня в тайне, пока не пройдет гнев Твой!” (Иов xiv. 13).

Не следует предполагать, что ни здесь, ни на какой-либо другой стадии прогресса Бог действительно допускает, чтобы душа впала в грех; и это настолько верно, что, хотя они кажутся в своих собственных глазах самыми жалкими грешниками, все же они не могут обнаружить определенного греха, в котором они виновны, и обвиняют себя только в том, что они полны страданий и имеют только чувства, противоречащие их желаниям. К славе Божьей, когда Он заставляет душу наиболее глубоко осознать свою внутреннюю испорченность, Он не позволяет ей впасть в грех. Что делает его печаль такой ужасной, так это то, что он переполнен ощущением чистоты Бога, и эта чистота заставляет малейшее несовершенство казаться отвратительным грехом из-за бесконечной дистанции между чистотой Бога и нечистотой творения. Душа видит, что она изначально была сотворена Богом чистой и что она заразилась не только первородным грехом Адама, но и тысячами действительных грехов, так что ее смятение больше, чем можно выразить словами. Причину, по которой христиан в таком состоянии презирают другие, следует искать не в каких-то особых недостатках, которые в них наблюдаются, а в том, что, поскольку они больше не проявляют того же рвения и верности, которые раньше отличали их, о величии их падения судят по этому, что является большой ошибкой. Пусть это послужит объяснением или модификацией любых последующих утверждений или репрезентаций, которые могут показаться выраженными слишком сильно и которые те, кто не понимает этот опыт, могут быть склонны неправильно истолковать. Заметьте также, что когда я говорю *орастлении*, *о разложении* т. Д., Я имею в виду разрушение ветхого человека посредством центрального убеждения и интимного переживания глубины нечистоты и эгоизма, которые есть в сердце человека, которые, заставляя его видеть себя отделенным от Бога, заставляют его восклицать вместе с Давидом: “Я червь, а не человек” (Пс. xxii. 6), и с Иовом: “Если я умоюсь снежной водой и не сделаю руки мои такими чистыми, все же они будут чисты”. Ты ввергнешь меня в ров, и моя собственная одежда возненавидит меня” (Иов ix. 30, 31).

Таким образом, дело не в том, что эта бедная невеста совершает ошибки, в которых она считает себя виновной, ибо сердцем она никогда не была чище, чем сейчас; но ее чувства и природные силы, особенно органы чувств, лишенные поддержки, блуждают. Кроме того, по мере того, как скорость ее движения к Богу удваивается и она все больше забывает о себе, неудивительно, что во время бега она пачкается в грязных местах, через которые проходит; и поскольку все ее внимание направлено на своего Возлюбленного, хотя она и не замечает этого из-за своего собственного состояния, она больше не думает о себе и не замечает, куда ступает. Таким

образом, считая себя наиболее виновной, она не совершает добровольно ни одного греха; хотя все ее грехи кажутся ей добровольной, это скорее ошибки от неожиданности, которые часто она не замечает до тех пор, пока они не совершены. Она взывает к своему Жениху, но Он не обращает на нее внимания, по крайней мере, не заметно, хотя и поддерживает ее невидимой рукой. Иногда она пытается сделать лучше, но тогда ей становится хуже; ибо замысел ее Жениха в том, чтобы позволить ей упасть, *не поранив себя* (Пс. xxxvii. 24) заключается в том, что она больше не должна полагаться на себя; что она должна признать свою беспомощность; что она должна погрузиться в полное отчаяние от самой себя; и что она должна сказать: “Душа моя выбирает смерть, а не жизнь” (Иов vii. 15). Именно здесь душа начинает по-настоящему *ненавидеть себя* и *узнавать себя* так, как она никогда бы не узнала, если бы не прошла через этот опыт.

Всего нашего естественного знания о себе, какой бы степени оно ни было, недостаточно, чтобы заставить нас по-настоящему ненавидеть самих себя. “Любящий душу свою потеряет ее; а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную” (Иоанна xii. 25). Только такой опыт, как этот, может раскрыть душе ее бесконечную глубину страдания. Никакой другой путь не может дать истинной чистоты; если он вообще что-то дает, то только поверхностно, а не в глубине сердца, где сидит нечистота.

Здесь Бог исследует самые сокровенные уголки души в поисках той скрытой нечистоты, которая является следствием самоуважения и себялюбия, которые Он намеревается уничтожить. Возьмите губку, в которой полно загрязнений, мойте ее сколько угодно, вы очистите ее снаружи, но вы не сделаете ее чистой повсюду, если не нажмете на нее, чтобы выдавить всю грязь. Это то, что делает Бог. Он болезненно сжимает душу, но извлекает из нее то, что было наиболее глубоко спрятано.

Тогда я говорю, что это единственный способ, которым мы можем радикально очиститься; а без него мы всегда были бы грязными, хотя внешне могли бы казаться очень чистыми. Необходимо, чтобы Бог заставил душу полностью осознать свое состояние. Без опыта мы никогда не смогли бы поверить, на что способна природа, предоставленная самой себе. Да, действительно, наше собственное существо, предоставленное самому себе, хуже всех дьяволов. Поэтому мы не должны верить, что душа в этом состоянии страдания оставлена Богом. Это никогда не поддерживалось лучше, чем сейчас; но природа, так сказать, оставлена немного в покое и совершает все эти опустошительные действия без того, чтобы душа сама по себе принимала в них какое-либо участие. Эта бедная безутешная невеста, бегающая туда-сюда в поисках своего Возлюбленного, не только сильно пачкает себя, как я уже сказал, впадая в заблуждения из-за неожиданности и самоуважения, но и ранит себя шипами, попадающими на ее пути. В конце концов она так устает, что вынуждена умереть в своей гонке из-за отсутствия помощи, то есть ничего не ожидать от себя или своей собственной деятельности.

Наивысшее благо для души в этом состоянии приносит то, что Бог не проявляет к ней жалости; и когда Он желает способствовать ее развитию, Он позволяет ей бежать даже до смерти; если Он останавливает ее на мгновение, совершая то, что Он насилует и возрождает ее, то это из-за ее слабости и для того, чтобы усталость не заставила ее отдыхать.

Когда Он видит, что она впадает в уныние и склоняется к тому, чтобы вообще отказаться от участия в забеге, Он на мгновение смотрит на нее, и бедная невеста снова чувствует себя уязвленной этим взглядом. Она охотно сказала бы Ему: “Увы! почему Ты таким образом вынудил

меня бежать? О, если бы я могла найти Тебя и увидеть лицом к лицу!” Но, увы! когда ей кажется, что она овладевает Им, Он снова убегает от нее. “Я искала Тебя, - кричит она, - но не нашла” (Коран iii. 1).

Поскольку этот взгляд ее Жениха усилил ее любовь, она удваивает скорость, чтобы найти Его: тем не менее она задержалась ровно на то время, пока длился этот взгляд, то есть в чувственной радости. Вот почему Жених не часто бросает на нее такие взгляды, и то только тогда, когда видит, что ее мужество на исходе.

Тогда душа умирает в конце своего рода, потому что вся ее активная сила исчерпана; ибо, хотя она была пассивной, она не потеряла своей активной силы, хотя и не осознавала этого. Невеста сказала: “Нарисуй меня, мы побежим за тобой” (Коран. i. 3). Она действительно побежала, но как? Из-за потери всего; как солнце движется непрерывно, все же не покидая своего покоя. В этом состоянии она так ненавидит себя, что едва ли может страдать сама. Она думает, что у ее Жениха есть веские причины относиться к ней так, как Он относится, и что именно Его негодование против нее заставляет Его покинуть ее. Она не видит, что Он убегает именно для того, чтобы заставить ее бежать, что именно для того, чтобы Он мог очистить ее, Он терпит, чтобы она так осквернялась. Когда мы кладем железо в огонь, чтобы очистить его от окалина, сначала оно кажется потускневшим и почерневшим, но впоследствии легко увидеть, что оно было очищено. Христос только заставляет Свою невесту испытать свою собственную слабость, чтобы она могла потерять всякую силу и всякую опору в себе, и чтобы в своем самоотчаянии Он мог нести ее на руках, и она могла быть согласна, чтобы ее так несли; ибо каким бы ни был ее путь, она ходит как дитя; но когда она в Боге и Он несет Ее, ее прогресс бесконечен, поскольку это прогресс Самого Бога.

В дополнение ко всему этому унижению невеста видит других, украшенных ее добычей. Когда она видит святую душу, она не осмеливается приблизиться к ней; она видит, что она украшена всеми украшениями, которые отнял у нее Жених; но хотя она восхищается этим и погружается в глубины небытия, она не может желать снова иметь эти украшения, настолько сознает она свое недостойнство носить их. Она считает, что было бы профанацией надевать их на человека, настолько покрытого грязью и осквернением. Она даже радуется, видя, что, хотя она и внушает своему Возлюбленному ужас, есть другие, которыми Он может восхищаться, и кого она считает бесконечно счастливыми, обретая любовь своего Бога: что касается украшений, то, хотя она видит, что ими украшены другие, она не предполагает, что это источники их счастья. Если она видит какое-то блаженство в обладании ими, то это потому, что они являются знаками любви ее Возлюбленного. Когда она таким образом осознает свою ничтожность в присутствии таких, как эти, которых она считает королевами, она не знает, какое благо принесет ей эта нагота, смерть и разложение. Ее Жених раздевает ее только для того, чтобы Сам стать ее одеждой: “Облекитесь в Господа Иисуса Христа”, - говорит Святой Павел (Рим. xiii. 14). Он убивает ее только для того, чтобы стать ее жизнью: “Если мы умерли со Христом, мы верим, что и мы будем жить с Ним”. Он уничтожает ее только для того, чтобы она могла преобразиться в Нем Самом.

Эта потеря добродетели происходит лишь постепенно, так же как и другие потери, и эта кажущаяся склонность ко злу произвольна; ибо то зло, которое делает нас такими мерзкими в наших собственных глазах, на самом деле вовсе не зло.

То, что оскверняет этих людей, - это определенные недостатки, которые кроются только в чувствах. Как только они видят красоту какой-либо добродетели, им кажется, что они постоянно

впадают в противоположный порок: например, если они любят правду, они говорят поспешно или с преувеличением и воображают, что лгут каждую минуту, хотя на самом деле они всего лишь говорят вопреки своим чувствам; и то же самое происходит со всеми другими добродетелями; чем важнее эти добродетели и чем сильнее они цепляются за них, потому что они кажутся более существенными, тем с большей силой от них отрываются.

Раздел IV.

ВХОЖДЕНИЕ ДУШИ В МИСТИЧЕСКУЮ СМЕРТЬ, ЕЕ ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ, СИЛЫ И ДАЖЕ ВОСПРИНИМАЕМАЯ ОСНОВА — ВАЖНЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД ЭТИМ СОСТОЯНИЕМ.

Эта бедная душа, потеряв все, что у нее было, должна, наконец, потерять *свою собственную жизнь* из-за полного отчаяния в себе, или, скорее, она должна умереть, измученная ужасной усталостью. Молитва в этой степени чрезвычайно болезненна, потому что душа больше не может использовать свои собственные силы, которых она, кажется, полностью лишена, и Бог, отняв у нее некое сладостное и глубокое спокойствие, которое поддерживало ее, остается подобно тем бедным детям, которых мы видим бегающими туда-сюда в поисках хлеба, но не находящими никого, кто мог бы удовлетворить их нужды, так что сила молитвы кажется полностью утраченной, как если бы мы никогда не обладали ею; но с той разницей, что мы чувствуем боль, вызванную потерей, потому что мы доказали ее ценность обладанием ею, в то время как другие нет. чувствующие потерю, потому что они никогда не испытывали от этого удовольствия. Таким образом, душа не может найти опоры в творении; и если она чувствует, что ее увлекают земные дела, то это только из-за порывистости, и она не может найти ничего, что могло бы ее удовлетворить. Не то чтобы оно не стремилось предаться тому, что раньше доставляло ему удовольствие; но увы! он не находит в них ничего, кроме горечи, так что рад снова покинуть их, не забирая обратно ничего, кроме печали о собственной неверности.

The *imagination* совершенно сбивается с пути и почти никогда не пребывает в покое. Три силы души, *разум, память и воля*, постепенно теряют свою жизнь, так что в конце концов они становятся совершенно мертвыми, что очень болезненно для души, особенно в том, что касается воли, которая вкушала не знаю какую сладость и спокойствие, которые утешали другие силы в их омертвлении и бессилии.

Это необъяснимое нечто, которое поддерживает душу, так сказать, в ее основании, труднее всего потерять, и то, что душа старается сохранить наиболее усердно; ибо, поскольку оно слишком хрупко, оно кажется более божественным и необходимым: она охотно согласилась бы быть лишенной двух других сил и даже воли, поскольку это отчетливая и воспринимаемая вещь, если бы только это нечто могло быть оставлено; ибо она могла бы вынести все свои труды, если бы могла иметь внутри себя свидетельство того, что она рождена от Бога.

Однако это должно быть утрачено, как и все остальное — то есть что касается чувства, — и тогда душа вступает в чувственное осознание всех страданий, которыми она наполнена. И это то, что действительно производит *духовную смерть*; ибо какие бы страдания ни перенесла душа, если бы это, я не знаю что, не было потеряно, она бы не умерла; и если, с другой стороны, это было потеряно без осознания душой своего страдания, она была бы поддержана и не умерла. Он может легко понять, что должен отказаться от всякой зависимости от своих собственных чувств

или от какой-либо естественной поддержки, но потерять почти незаметный комфорт и пасть от слабости, увязнуть в трясине, с этим он согласиться не может. Вот где подводит разум, вот где ужасные страхи наполняют сердце, в котором, кажется, жизни достаточно только для того, чтобы осознавать свою смерть.

Таким образом, именно потеря этой незаметной поддержки и переживание этого страдания приводят к смерти.

В такие времена, как сейчас, мы должны быть очень осторожны и не позволять нашим чувствам добровольно уводиться к существам, добровольно ищущим утешения и развлечения. Я говорю это *охотно*, потому что мы неспособны к тому, чтобы оскорбления и внимание отражались на нас самих, и чем больше мы унижаем себя, тем сильнее будет стремление в противоположном направлении, не осознавая этого; подобно сумасшедшему, который бродит повсюду, если вы попытаетесь слишком строго держать его в рамках, помимо того, что это бесполезно, это замедлит его смерть.

Что же нам тогда делать? Мы должны быть осторожны, чтобы не давать никакой поддержки чувствам, страдать от них и позволять им находить удовольствие невинными способами; ибо, поскольку они не способны к внутренней деятельности, пытаясь сдерживать их, мы нанесем ущерб здоровью и даже умственной силе. То, что я говорю, относится только к этой степени; ибо если бы мы так использовали чувства во время силы и действия благодати, мы поступили бы неправильно; и Сам наш Господь в Своей благости показывает нам, какого поведения нам следует придерживаться; ибо сначала Он оказывает такое давление на чувства, что у них нет свободы. Им достаточно чего-то пожелать, чтобы быть лишенными этого; Бог распорядился так, чтобы чувства были выведены из их несовершенного функционирования и заключены в сердце; и, отделяя их внешне, Он связывает их внутри так нежно, что лишение всего им ничего не стоит; они даже находят больше удовольствия в этом лишении, чем в обладании всеми вещами. Но когда они достаточно очищены, Бог, желающий вывести душу из себя противоположным движением, позволяет чувствам расширяться вовне, что представляется душе великой нечистотой. Однако сейчас это произошло своевременно, и пытаться распорядиться иначе означало бы очищать себя иным способом, отличным от того, которого желает Бог, и, следовательно, осквернять себя заново.

Это не мешает нам совершать ошибки в этом внешнем развитии чувств; но смятение, которое это вызывает у нас, и наша верность в использовании этого, являются горнилом, в котором мы быстрее всего очищаемся, быстрее всего умирая для самих себя. Именно здесь мы также теряем уважение людей. Они смотрят на нас с презрением и говорят: “Разве это не те люди, которыми мы раньше восхищались? Как они стали такими изуродованными?” “Увы!” отвечаем мы, “не смотри на меня, потому что я черный” (Коран. i. 6). “Это солнце так обесцветило меня”. Именно в этот момент мы внезапно переходим к третьей ступени, к погребению и разложению.

ГЛАВА VIII.

ТРЕТЬЯ СТЕПЕНЬ ПАССИВНОГО ПУТИ ВЕРЫ В ЕГО ЗАВЕРШЕНИИ — ЗАВЕРШЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ДУХОВНОЙ СМЕРТИ—ПОГРЕБЕНИЯ—РАСПАДА— СОВЕТЫ ОТНОСИТЕЛЬНО ПОВЕДЕНИЯ ЛЮДЕЙ В ЭТИХ УСЛОВИЯХ, ЗА КОТОРЫМИ СЛЕДУЕТ НОВАЯ ЖИЗНЬ.

Поток, как мы уже говорили, прошел через все мыслимые превратности. Он разбивался о скалы; на самом деле, его путь был всего лишь чередой падений со скалы на скалу; но он всегда появлялся снова, и мы никогда не видели, чтобы он действительно пропадал. Теперь он начинает теряться в пропасти за пропастью. Раньше у него все еще было течение, хотя оно было таким стремительным, таким запутанным и таким нерегулярным; но здесь оно поглощено еще большим потоком в непостижимых глубинах. На долгое время он полностью исчезает из поля зрения, затем мы слегка воспринимаем его, но больше на слух, чем зрением, и это только кажется, что он снова погружается в более глубокую пропасть. Он падает из бездны в бездну, с обрыва на обрыв, пока, наконец, не падает в морские глубины, где, потеряв всякую форму, он теряется и больше не может быть найден, став единым целым с самим морем. Душа после многих смертей, наконец, умирает в объятиях Любви; но она даже не ощущает этих объятий. Как только оно истекает, оно теряет всякую жизненную активность, все желания, склонности, влечения, выбор, отвращение и антипатию. По мере приближения к смерти оно становится слабее; но его жизнь, хотя и томительная и агонизирующая, все еще остается жизнью, и “пока есть жизнь, есть надежда”, даже если смерть неизбежна. Поток должен быть скрыт с глаз долой.

О Боже! что это? То, что было всего лишь пропастью, становится бездной. Душа погружается в пучину страданий, из которой нет выхода. Сначала эта пропасть невелика, но чем дальше продвигается душа, тем сильнее она кажется, так что становится все хуже и хуже; ибо следует отметить, что когда мы впервые вступаем на ступень, к нам прилипает многое из того, что мы принесли с собой, и в конце мы уже начинаем чувствовать симптомы того, что должно произойти. Также заметно, что каждая ступень содержит в себе бесконечное множество других.

Человек после своей смерти и перед погребением все еще находится среди живых: у него все еще есть лицо человека, хотя он и является объектом ужаса; таким образом, душа в начале этой ступени все еще имеет некоторое сходство с тем, что было раньше; в ней остается некое тайное впечатление Бога, как в мертвом теле остается некий животный жар, который постепенно покидает его. Душа все еще практикует благочестие и молитву, но вскоре это у нее отнимается. Оно должно потерять не только всякую молитву, всякий дар Божий, но и Самого Бога по всей видимости — то есть в той мере, в какой Им эгоистично владело *это*, — и потерять Его не на один, два или три года, а навсегда. У него отнимаются все возможности для добра, вся активная добродетель; он остается обнаженным и лишенным всего. Мир, который раньше так высоко ценил его, начинает бояться его. Однако презрение людей вызывает не видимый грех, а бессилие совершать свои прежние добрые дела с той же легкостью. Раньше целые дни тратились на посещение больных, часто даже вопреки естественной склонности; подобными работами больше нельзя заниматься.

Вскоре душа погрузится в полное забвение. Мало-помалу она теряет все до такой степени, что становится совершенно нищей. Мир топчет это ногами и больше не думает об этом. О бедная душа! ты должна видеть, как с тобой обращаются таким образом, и видеть это с ужасом, не будучи в состоянии предотвратить это. Она должна допустить, чтобы ее похоронили, засыпали землей и растоптали ногами все люди.

Именно здесь несут тяжелые кресты, и тем тяжелее, что они, как считается, заслужены. Душа начинает испытывать ужас перед самой собой. Бог отбрасывает это так далеко, что, кажется, Он решил оставить это навсегда. Бедная душа! ты должна быть терпеливой и оставаться в своей могиле. Оно довольствуется тем, что остается там, хотя и в ужасных страданиях, потому что не видит способа сбежать от этого; и оно также видит, что это его единственное подходящее место, все остальные для него еще печальнее. Она убегает от людей, зная, что они относятся к ней с отвращением. Они смотрят на эту несчастную Невесту как на отверженную, потерявшую милость Божью и годную только на то, чтобы быть похороненной в земле.

Сердце переносит эту горечь, но, увы! как сладко это состояние даже сейчас, и как легко было бы оставаться в гробнице, если бы не было необходимости разлагаться! Старый человек постепенно развращается; раньше у него были слабости и провалы, теперь душа видит глубину развращенности, о которой она до сих пор не подозревала, ибо она не могла представить, каковы были ее самоуважение и эгоизм. О Боже! какой ужас испытывает эта душа, видя, как она разлагается! Все беды, презрение и отвращение человека больше не затрагивают ее. Оно даже нечувствительно к лишению Солнца Праведности; оно знает, что Его свет не проникает в могилу. Но чувствовать свое собственное разложение, которое оно не может вынести. Что бы оно предпочло вынести? Но он должен прочувствовать до самых глубин своего существа, что это такое.

И все же, если бы я мог разлагаться так, чтобы Бог меня не видел, я был бы доволен: что меня беспокоит, так это ужас, который я должен вызывать у Него видом своего разложения. Но, бедный, опустошенный! что ты можешь сделать? Казалось бы, тебе должно быть достаточно *терпеть* это разложение, не *любя* его; но теперь ты даже не уверен, что не желаешь этого! Душа пребывает во тьме, не имея возможности судить, исходят ли ее ужасные мысли от нее самой или от лукавого.

Его больше не беспокоит то, что он отвергнут Богом; он настолько осознает свой недостаток, что соглашается с лишением осязаемого присутствия Бога. Но оно не может смириться с мыслью, что зараза его растления достигает даже Бога. Оно не желает грешить. Позволь мне сгнить, - таков его крик, - и найти свой дом в глубинах ада, если только я смогу остаться свободным от греха. Оно больше не думает о любви, поскольку считает себя неспособным к привязанности. Это, по его собственному мнению, хуже, чем когда оно было в естественном состоянии, поскольку оно находится в состоянии разложения, обычном для тела, лишенного жизни.

Постепенно душа привыкает к своему разложению: она меньше ощущает его и находит естественным, за исключением определенных моментов, когда она подвергается различным искушениям, ужасные впечатления от которых причиняют ей много страданий. Ах, бедный торрент! разве тебе не было лучше на вершине горы, чем здесь? Правда, тогда у тебя было легкое разложение; но теперь, хотя ты текешь быстро и ничто не может остановить тебя, ты

проходишь через такие грязные места, настолько пропитанные серой и селитрой, что уносишь их запах с собой.

В конце концов душа низводится до состояния небытия и становится подобна человеку, которого не существует и никогда не будет существовать; она ничего не делает, ни хорошего, ни дурного. Раньше оно думало о себе, теперь оно больше не думает. Все, что от благодати, совершается так, как если бы это было от природы, и больше нет ни боли, ни удовольствия. Все, что есть, это то, что его пепел остается пеплом, без надежды когда-либо стать чем-то иным, кроме пепла: он совершенно мертв, и ничто не воздействует на него ни извне, ни изнутри — то есть его больше не беспокоят никакие чувственные впечатления. Наконец, превращенный в ничто, в пепле обнаруживается *зародыш бессмертия*, который живет под этим пеплом и в свое время проявит свою жизнь. Но душа находится в неведении относительно этого и никогда не ожидает, что будет оживлена или воскрешена из мертвых.

Верность души в этом состоянии состоит в том, чтобы позволить похоронить себя, раздавить, растоптать, не делая больше движений, чем труп, не стремясь каким-либо образом предотвратить его гниение. Есть те, кто хочет намазать себя бальзамом. Нет, нет; оставьте себя такими, какие вы есть. Вы должны осознать свою испорченность и увидеть бесконечную глубину порочности, которая есть в вас. Наносить бальзам — это всего лишь пытаться добрыми делами скрыть свою испорченность. О, не делайте этого! Вы причините зло самим себе. Бог может страдать от вас; почему вы не можете страдать сами? Душа, низведенная до небытия, должна оставаться в нем, не желая менять свое состояние; и именно тогда поток теряет себя в море, чтобы никогда больше не обрести себя в себе, но стать единым целым с морем. Именно тогда этот труп начинает чувствовать себя бесчувственным, он постепенно оживает и обретает *новую жизнь*; но это происходит так постепенно, что кажется сном. И это подводит нас к последней ступени, которая является началом *божественной и истинно внутренней жизни*, включающей бесчисленные меньшие ступени, и продвижение на которых бесконечно: точно так же, как этот поток может постоянно продвигаться в море и впитывать больше его природы, чем дольше он остается в нем.

ГЛАВА IX.

ЧЕТВЕРТАЯ СТЕПЕНЬ ПАССИВНОГО ПУТИ ВЕРЫ, КОТОРЫЙ ЯВЛЯЕТСЯ НАЧАЛОМ БОЖЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ—ПЕРЕХОД ОТ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ К БОЖЕСТВЕННОМУ И К ВОСКРЕСЕНИЮ ДУШИ В БОГЕ—ОПИСАНИЕ ЭТОЙ ЖИЗНИ И ЕЕ СВОЙСТВ, ГРАДАЦИЙ, ИДЕНТИЧНОСТИ, БЕЗРАЗЛИЧИЯ—ЧУВСТВА ДУШИ—ЕЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ В БОГЕ—ЕЕ МИР И Т.Д.—СИЛА И ВЗГЛЯДЫ ПО ОТНОШЕНИЮ К ДРУГИМ, К СЕБЕ, К СВОЕМУ СОСТОЯНИЮ, К СВОИМ ДЕЙСТВИЯМ, К СВОИМ СЛОВАМ, К СВОИМ ОШИБКАМ—РАЗУМ ХРИСТА—РАЗЛИЧНЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ.

Когда поток начинает теряться в море, его легко отличить. Его движение ощутимо, пока, наконец, оно постепенно не утрачивает всякую свою форму, принимая форму моря. Итак, душа, покидая эту ступень и начиная терять себя, все же сохраняет что-то свое; но за короткое время она теряет все, что было ей свойственно. Труп, превратившийся в пепел, все еще остается

пылью и пеплом; но если бы другой человек проглотил этот пепел, у него больше не было бы личности, но он стал бы частью человека, который его проглотил. Душа до сих пор, хотя и была мертва и погребена, сохраняла свое собственное существо; только в этой степени она действительно отделена от самой себя.

Все, что происходило до этого момента, зависело от индивидуальной способности творения; но здесь творение лишено своей собственной способности получать бесконечную способность в Самом Боге. И как поток, когда он входит в море, теряет свое собственное бытие таким образом, что ничего от него не сохраняет, и забирает то, что принадлежит морю, или, скорее, выводится из себя, чтобы затеряться в море; так и эта душа теряет человеческое, чтобы она могла затеряться в божественном, которое становится ее бытием и ее пропитанием не по существу, а мистически. Тогда этот поток обладает всеми сокровищами моря и столь же великолепен, сколь прежде был беден и жалок.

Именно в могиле душа начинает возвращаться к жизни, и свет проникает незаметно. Тогда истинно можно сказать, что “Люди, сидевшие во тьме, увидели великий свет; и для тех, кто сидел в области смертной тени, воссиял свет” (Мф. iv. 16). У Иезекииля есть прекрасная картина этого воскресения (глава xxxvii), где сухие кости постепенно оживают; и затем есть другой отрывок: “Наступает час, и уже настало, когда мертвые услышат голос Сына Божьего; и услышавшие оживут” (Иоанна, ст. 25). О вы, выходящие из гробницы! вы чувствуете, как внутри вас мало-помалу зарождается зародыш жизни; вы весьма удивлены, обнаружив, что вами овладевает тайная сила; ваш прах воскрес; вы чувствуете, что находитесь в новой стране. Бедную душу, которая рассчитывала только на покой в своей могиле, ждет приятный сюрприз. Он не знает, что и думать: он предполагает, что солнце, должно быть, пролило на него несколько рассеянных лучей через какое-то отверстие или щель, яркость которых продлится лишь мгновение. Оно еще больше удивляется, когда чувствует, что эта тайная энергия пронизывает все его существо, и обнаруживает, что постепенно обретает новую жизнь, чтобы больше не терять ее навсегда, если только это не произойдет из-за самой вопиющей неверности.

Но эта новая жизнь не похожа на прежнюю: это *жизнь в Боге*. Это идеальная жизнь. Душа *больше не живет* и не действует сама по себе, но *Бог* живет, действует и действует в ней (Гал. ii. 20); и это продолжает возрастать, так что она становится совершенной Божьим совершенством, богатой Божьими богатствами и любящей Божьей любовью.

Теперь душа видит, что все, чем она владела раньше, находилось в ее собственном владении; теперь она больше не владеет, но ею владеют: ей нужна новая жизнь только для того, чтобы потерять ее в Боге; или, скорее, она живет только жизнью Бога; и поскольку Он является принципом жизни, душа ни в чем не может нуждаться. Какую выгоду оно получило от всех своих потерь! Оно потеряло созданное для Творца, ничто для Всего во всем. Все дано ему не само по себе, но в Боге; не для того, чтобы им владело оно само по себе, но для того, чтобы им владел Бог. Его богатства огромны, ибо они - Сам Бог. Оно чувствует, что его возможности день ото дня возрастают до необъятности: к нему возвращаются все добродетели, но уже в Боге.

Следует отметить, что как оно было лишь постепенно ограблено, так и обогащается и оживляется лишь постепенно. Чем больше он теряет себя в Боге, тем больше становится его вместимость; точно так же, как чем больше поток теряет себя в море, тем больше он расширяется, не имея других границ, кроме границ моря: он участвует во всех его свойствах.

Душа становится сильной и непоколебимой: она потеряла все средства, но она нашла цель. Эта божественная жизнь становится для нее вполне естественной. Как оно больше не чувствует себя, не видит себя и не познает себя, так оно больше не видит, не понимает и не различает ничего от Бога как отдельного или вне себя. Оно больше не осознает любви, или света, или знания; оно знает только, что Бог есть, и что оно больше не живет иначе, как в Боге. Всякая преданность - это действие, и всякое действие - это преданность: все одно и то же; душа безразлична ко всему, ибо все в равной степени есть Бог. Раньше было необходимо проявлять добродетель, чтобы совершать добродетельные дела; здесь устраняется всякое различие действий, действия сами по себе не имеют добродетели, но все являются Богом, самое низкое действие наравне с величайшим, при условии, что оно в порядке Божьем и в Его время: ибо все, что могло бы быть естественным выбором, а не в этом порядке, имело бы другой эффект, уводя душу от Бога неверностью. Не то чтобы оно было выведено из своей степени или утрачено, но из божественного плана, который делает все сущее единым и все сущее Богом. Итак, *душебезразлично*, находится ли она в том или ином состоянии, в том или ином месте: для нее все одно и то же, и она позволяет себе двигаться естественным путем. Оно перестает думать, желать или выбирать для себя; но остается довольным, без забот и тревог, больше не выделяя свою внутреннюю жизнь, чтобы говорить о ней. Действительно, можно сказать, что оно не обладает единым целым: его больше нет само по себе; оно все в Боге. Ему нет необходимости замыкаться в самом себе; он не надеется там ничего найти и не ищет этого. Если бы человек был полностью пропитан морем, имея море внутри и снаружи, вверху и внизу, со всех сторон, он не предпочел бы одно место другому, поскольку для него все было бы одинаково. Итак, душа не утруждает себя поиском чего-либо или действием чего-либо; то есть сама по себе, самостоятельно или для себя. Она остается такой, какая она есть. Но что она делает? Ничего — всегда ничего. Оно делает то, для чего создано, оно страдает от того, для чего его заставили страдать. Его покой неизменен, но всегда естественен. Оно как бы перешло в естественное состояние; и все же как оно отличается от тех, где вообще нет Бога!

Разница в том, что Бог принуждает его к действию, не осознавая этого, тогда как раньше действовала природа. Самому себе кажется, что он не поступает ни правильно, ни неправильно, но живет удовлетворенно, умиротворенно, делая то, для чего его заставили делать, устойчиво и решительно.

Только Бог является его проводником; ибо во время своей потери оно утратило свою собственную волю. И если бы вы спросили, каковы его желания, оно не смогло бы ответить. Оно больше не может выбирать для себя: все желания исчезают, потому что, найдя свой центр, сердце теряет все естественные склонности и активность, точно так же, как оно теряет всякое отвращение и противоположность. Поток больше не имеет ни уклона, ни движения: он находится в покое и в своем конце.

Но чем удовлетворена эта душа? С удовлетворением Бога, огромным, всеобщим, без знания или понимания того, что именно его удовлетворяет; ибо здесь все чувства, вкусы, взгляды, частные мнения, какими бы деликатными они ни были, взяты из него: это некое смутное, неопределимое нечто, которое раньше занимало, не занимая его, ушло, и от него ничего не осталось. Но эта бесчувственность сильно отличается от бесчувственности смерти, погребения и разложения. Это было лишение жизни, отвращение, разлука, бессилие умирающего в сочетании с бесчувственностью мертвых; но это *возвышение* над всеми этими вещами, которое не устраняет их, но делает бесполезными. Мертвый человек лишен всех жизненных функций из-

за бессилия смерти; но если бы он был воскрешен со славой, он был бы полон жизни, не имея силы сохранять ее посредством чувств; и будучи поставлен выше всех средств благодаря своему зародышу бессмертия, он больше не чувствовал бы того, что его оживляло, хотя и знал бы, что он живой.

На этой ступени Бога нельзя ощутить, увидеть или пощупать, поскольку он больше не отличается от нас, но един с нами. Душа ни к чему не имеет ни склонности, ни вкуса: в период смерти и погребения она испытала это, но совсем по-другому. Тогда это возникало из-за отвращения и бессилия, но теперь это результат *изобилия* and *abundance*; точно так же, как если бы человек мог питаться воздухом, он был бы сыт, не ощущая своей полноты или не зная, каким образом он был удовлетворен; он не был бы пуст и неспособен есть или ощущать вкус, но был бы свободен от всякой необходимости в еде по причине своего удовлетворения, не зная, каким образом воздух, входящий во все его поры, одинаково проникал во все части.

Душа здесь пребывает в Боге, как в естественном для нее воздухе, и она ощущает его полноту не больше, чем мы ощущаем воздух, которым дышим. И все же он полон, и ему ни в чем нет недостатка; поэтому все его желания взяты у него. Его покой велик, но не так, как это было раньше. Раньше это был неодушевленный покой, некая могильная культура, из которой иногда вырывались тревожившие ее испарения. Когда он превратился в пепел, он был спокоен; но это был бесплодный покой, подобный покою трупа, который был бы спокоен посреди самых диких морских штормов: он не чувствовал бы их и не был бы ими обеспокоен, его состояние смерти делает его бесчувственным. Но здесь душа возносится, так сказать, на вершину горы, откуда она видит, как катятся волны, не боясь их ударов; или, скорее, она находится на дне моря, где всегда царит спокойствие, даже когда поверхность волнуется. Чувства могут страдать от своих горестей, но в центре всегда одно и то же безмятежное спокойствие, потому что тот, кто им обладает, неизменен.

Это, конечно, предполагает верность души; ибо в каком бы состоянии она ни находилась, она может отступить и вернуться в саму себя. Но здесь душа бесконечно прогрессирует в Боге; и для нее возможно непрестанное продвижение; точно так же, как если бы у моря не было дна, любой, кто упадет в него, погрузился бы в бесконечность, а спускаясь на все большие и большие глубины океана, открывал бы все больше и больше его красот и сокровищ. Так обстоит дело и с душой, чей дом в Боге.

Но что оно должно делать, чтобы быть верным Богу? Ничего, и даже меньше, чем ничего. Оно должно просто позволить обладать собой, воздействовать на себя и двигаться без сопротивления, оставаясь в естественном для него состоянии, ожидая того, что может принести ему каждое мгновение, и получая это от Него, не добавляя к этому ничего и не отнимая от него; позволяя вести себя в любое время и в любом месте, независимо от зрения или разума, и не думая ни о том, ни о другом; позволяя себе естественно подходить ко всему, не задумываясь о том, что было бы наилучшим или наиболее правдоподобным; оставаясь в состоянии уравновешенности и стабильности, в которое Бог поместил его, не утруждаясь ничем; но предоставляя Богу забота о предоставлении ему возможностей и о том, чтобы делать все для него; не совершать определенных актов самозабвения, а просто пребывать в состоянии самозабвения, в котором он уже находится и которое для него естественно.

Душа неспособна действовать каким-либо образом сама по себе, не сознавая своей неверности. Она обладает всем, не имея ничего. Она находит возможность выполнять все свои

обязанности, говорить и действовать уже не по-своему, а по-Божьи. Его верность состоит не в том, чтобы прекратить всякую деятельность, подобно тому, кто умер, но в том, чтобы не делать ничего, кроме как руководствуясь принципом, который его оживляет. Душа в этом состоянии ни к чему не имеет собственной склонности, но позволяет себе идти так, как ее ведут, и сверх этого ничего не делает. Оно не может говорить о своем состоянии, потому что не видит его; хотя в нем так много необычного, оно уже не такое, каким было на прежних ступенях, когда существо имело в нем какую-то часть, которая в значительной степени была его собственной; но здесь самые удивительные вещи совершенно естественны и совершаются без раздумий. Это тот же принцип, который дает жизнь душе, действующей в ней и через нее. Он обладает суверенной властью над сердцами окружающих, но не над самим собой. Поскольку ему ничего не принадлежит, он не может делать резервов; и если он ничего не может сказать о столь божественном состоянии, то это не потому, что он боится тщеславия, ибо его больше не существует; скорее потому, что то, что он имеет, хотя и не обладает ничем, превосходит всякое выражение своей чрезвычайной простотой и чистотой. Не то чтобы не было многих вещей, которые являются лишь аксессуарами этого состояния, а не центром, о котором оно может легко говорить. Эти аксессуары подобны крошкам, которые падают с того вечного пиршества, к которому душа начинает приобщаться со временем; это всего лишь искры, доказывающие существование печи огня; но невозможно говорить о принципе и цели, потому что только столько может быть передано, сколько Богу угодно дать в данный момент для того, чтобы оно было написано или произнесено.

Можно спросить, осознает ли душа свои ошибки или она их не совершает? Он совершает их, и осознает их лучше, чем когда-либо, особенно в начале своей новой жизни. Совершенные ошибки часто более тонкие, чем раньше. Душа знает их лучше, потому что ее глаза открыты; но они ее не беспокоят, и она ничего не может сделать, чтобы избавиться от них. Это правда, что, когда она была виновна в неверности или грехе, она ощущает определенное облако; но оно проходит, и сама душа ничего не делает, чтобы рассеять его или очиститься; кроме того, любые усилия, которые она могла бы предпринять, были бы бесполезны и служили бы только увеличению ее нечистоты; так что она была бы глубоко убеждена, что второе пятно было хуже первого. Речь не идет о возвращении к Богу, потому что *возвращение* предполагает уход; и если мы находимся в Боге, нам остается только пребывать в Нем; точно так же, когда в средней области воздуха появляется небольшое облачко, если дует ветер, он разгоняет облака, но не рассеивает их; если, наоборот, светит солнце, они скоро рассеются. Чем тоньше и ажурнее облака, тем быстрее они рассеются.

О! если бы у нас было достаточно преданности, чтобы никогда не смотреть на самих себя, какого прогресса мы могли бы достичь! Наше представление о самих себе напоминает определенные морские растения, которые, пока держатся на поверхности, предотвращают падение тел. Если ветви очень тонкие, вес тела пригибает их, и мы задерживаемся лишь на мгновение; но если мы будем смотреть на себя охотно и долго, мы задержимся ровно на столько времени, сколько может занять взгляд, и наша потеря будет действительно велика. Дефектами этого состояния являются определенные легкие эмоции или представления о себе, которые рождаются и умирают в одно мгновение, — определенные ветры "я", которые проносятся над спокойным морем и вызывают рябь; но эти недостатки мало-помалу удаляются от нас и постоянно становятся более деликатными.

Душа, покидая гробницу, обнаруживает, сама не зная как, что она облечена *наклонностями* Христа; не благодаря четким и естественным представлениям о Нем, а благодаря своему естественному состоянию, обнаруживая эти склонности именно тогда, когда они необходимы, не думая о них; как человек, обладающий спрятанным сокровищем, может неожиданно найти его во время своей нужды. Душа удивляется, когда, не размышляя об уме и расположении Христа, она обнаруживает, что они естественным образом заложены в ней. Эти качества Христа - смирение, кротость, покорность и другие добродетели, которыми Он обладал. Душа обнаруживает, что все это действует внутри нее, но так легко, что кажется, что они стали для нее естественными. Его сокровищница находится только в Боге, откуда он может черпать ее непрерывно в любое время нужды, ни в какой степени не уменьшая ее. Именно тогда он действительно “облекается” в Иисуса Христа (Рим. xiii. 14); и отныне это Тот, кто действует, говорит, движется в душе, Господь Иисус Христос является ее движущим принципом. Теперь окружающие не причиняют ей неудобств; сердце расширяется, чтобы вместить их. Оно не желает ни активности, ни уединения, а только быть каждое мгновение таким, каким его делает Бог.

Поскольку в этом состоянии душа способна к бесконечному совершенствованию, я оставляю тех, кто живет в нем, писать об этом, поскольку мне не дан свет для высших степеней, а моя душа недостаточно продвинута в Боге, чтобы увидеть или познать их. Все, что я добавлю, это то, что по длине пути, который необходимо пройти, чтобы прийти к Богу, легко увидеть, что конец достигается не так скоро, как мы склонны воображать, и что даже самые духовные и просвещенные ошибочно принимают завершение *пассивного пути света и любви* за конец этого пути, тогда как на самом деле это всего лишь начало.

Я должен также отметить, что то, что я сказал, затрагивая *разум* Христа, начинается, как только мы вступаем на путь *голой веры*. Хотя душа на первых ступенях не имеет четкого представления о Христе, тем не менее у нее есть желание уподобиться Его образу. Оно жаждет креста, смирения, бедности; затем это желание пропадает, и остается тайная склонность к тем же вещам, которая постоянно углубляется и упрощает, становясь с каждым днем все более интимной и скрытой. Но здесь разум Христа - это разум души, естественный и привычный для нее, как нечто уже не отличное от нее самой, но как ее собственное существо и ее собственная жизнь; Христос проявляет это, не выходя из души, а душа проявляет это с Ним, в Нем, не выходя из Него; не как нечто отдельное, что она знает, видит, пытается, практикует, но как то, что для нее естественно. Все действия в жизни, такие как дыхание, совершаются естественно, без мысли, правил или меры; и они совершаются бессознательно человеком, который их совершает. Таким образом, разум Христа находится на этой ступени, которая постоянно развивается по мере того, как душа все больше преображается в Нем и становится все более совершенным единством с Ним.

Но разве в таком состоянии нет крестов? Поскольку душа сильна силой Самого Бога, Бог возлагает на нее больше крестов и тяжелее, чем прежде; но они переносятся божественно. Раньше крест очаровывал его; его любили и лелеяли; теперь о нем не думают, а терпят, когда он уходит и приходит; и сам крест становится Богом, как и все остальное. Это предполагает прекращение не страданий, а печали, беспокойства, горечи страдания. Это правда, что кресты - это уже не кресты, а Бог. На первых стадиях крест является добродетелью и возвышается все больше и больше по мере улучшения состояния: здесь душа чувствует, что это Бог, как и все

остальные; все, что составляет жизнь этой души, все, что у нее есть, момент за моментом становится для нее Богом.

Внешний вид этих людей вполне зауряден, и ничего необычного в них не замечают, кроме тех, кто способен их понять.

Все видно в Боге и в его истинном свете; поэтому это состояние не подвержено обману. Здесь нет видений, откровений, экстазов, истязаний или переводов. Все эти вещи не принадлежат этому состоянию, которое выше их всех. Этот путь прост, чист и обнажен: ничего не видеть вне Бога; и, таким образом, видеть все так, как видит это Бог, Его глазами.

ЧАСТЬ II.

ГЛАВА I.

БОЛЕЕ ПОДРОБНОЕ ОПИСАНИЕ НЕКОТОРЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ЖИЗНИ ПОСЛЕ БОЖЕСТВЕННОГО ВОСКРЕСЕНИЯ — ИСТИННОЙ СВОБОДЫ И ВОСКРЕСШЕЙ ЖИЗНИ, В ОТЛИЧИЕ ОТ ТОЙ, КОТОРАЯ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ТАКОВОЙ, ИЛЛЮСТРАЦИЕЙ ЧЕГО ЯВЛЯЕТСЯ ИОВ—НАЧАЛО АПОСТОЛЬСКОЙ ЖИЗНИ —ЕЕ ФУНКЦИИ И ПЛОДЫ —О ПРАКТИКЕ ДОБРОДЕТЕЛИ, ОСОБЕННО СМИРЕНИЯ—БЛАЖЕНСТВО ОТ ТОГО, ЧТО ТЫ ПОТЕРЯН В БОГЕ—РЕДКОСТЬ СОВЕРШЕННОГО САМООТРЕЧЕНИЯ—ЛУЧИ СЛАВЫ, ВЫРВАВШИЕСЯ ИЗНУТРИ.

Я упустил из виду, что именно здесь начинается настоящая свобода; не свобода, как некоторые воображают, требующая праздности; это было бы скорее заключением, чем свободой, когда мы воображаем себя свободными, потому что, испытывая отвращение к нашим собственным трудам, мы больше не занимаемся ими. Свобода, о которой я говорю, имеет иную природу; она легко совершает все то, что сделал бы Бог, и тем легче, чем дольше и болезненнее неспособность делать то, что мы испытали ранее. Признаюсь, я не понимаю состояния воскресения некоторых христиан, которые утверждают, что достигли его, и которые, тем не менее, остаются всю свою жизнь бессильными и обездоленными; ибо здесь душа вступает в истинную жизнь. Действия воскресшего человека - это действия жизни; и если душа остается безжизненной, я говорю, что она может быть мертва или похоронена, но не воскресла. Воскресшая душа должна быть способна без труда совершать все действия, которые она совершала в прошлом, только бы они совершались в Боге. Разве Лазарь после своего воскресения не выполнял все жизненные функции, как прежде, а Иисус Христос после Своего воскресения не был готов есть и беседовать с людьми? Итак, о тех, кто верит, что они воскресли со Христом, и которые, тем не менее, отстали в своем духовном росте и неспособны к преданности, — я говорю, что они не обладают жизнью воскресения, ибо там все восстанавливается душе во сто крат. Прекрасной иллюстрацией этого является случай с Иовом, историю которого я считаю зеркалом духовной жизни. Сначала Бог лишил его богатства,

которое мы можем рассматривать как дар и милость; затем его детей; это означает разрушение естественной чувствительности и наших собственных трудов, которые являются нашими детьми и нашим самым дорогим достоянием; затем Бог лишил его здоровья, что символизирует потерю добродетели; затем Он прикоснулся к его личности, превратив его в объект ужаса и презрения. Похоже даже, что этот святой человек был виновен в грехе и не смирился; друзья обвинили его в том, что он понес справедливое наказание за свои преступления; в нем не осталось ничего здорового. Но после того, как он был сброшен на навозную кучу и превратился, так сказать, в труп, разве Бог не вернул ему все: его богатство, его детей, его здоровье и его жизнь?

То же самое происходит и с духовным воскресением; все восстанавливается, и появляется чудесная сила использовать это, не будучи оскверненным этим, цепляться за это, не присваивая это, как раньше. Все совершается в Боге, и вещи используются так, как если бы они не использовались. Именно здесь обретаются истинная свобода и истинная жизнь. “Если мы были посажены по подобию смерти Христа, то будем и по подобию Его воскресения” (Рим. vi. 5). Может ли быть свобода там, где есть бессилие и ограничения? Нет; “Если Сын сделает вас свободными, вы действительно будете свободны”, но с Его свободой.

Вот где начинается настоящая свобода. Ничто из того, чего желает Бог, не является трудным для нас или чего-либо нам не стоит; и если человек призван проповедовать, наставлять и т.д., он делает это с удивительной легкостью, без необходимости подготовки речи, будучи вполне способным претворять в жизнь то, что Иисус заповедал Своим ученикам: “Не заботьтесь о том, как или что вы будете говорить; ибо Я дам вам уста и мудрость, которым все противники ваши не смогут ни воспротивиться, ни воспротивиться” (Мф. x. 19; Лк. xxi. 15). Это дается только после переживания бессилия; и чем глубже было это переживание, тем больше свобода. Но бесполезно пытаться загнать себя в это состояние; ибо, поскольку Бог не был бы источником, мы не достигли бы желаемых результатов. Об этой воскресшей жизни вполне можно сказать, что все хорошее дается вместе с ней. В этом состоянии душа не может практиковать добродетели как таковые; она даже не осознает их; но все добродетели стали для нее настолько привычными, что она практикует их естественно, почти инстинктивно. Когда оно слышит, как другие говорят о глубоком унижении, оно с удивлением обнаруживает, что не испытывает ничего подобного; и если бы оно попыталось смирить себя, оно было бы поражено, как если бы оно было виновно в неверности, и даже сочло бы это невозможным, потому что состояние уничтожения, через которое оно прошло, поставило его ниже всякого унижения; ибо для того, чтобы быть униженным, мы должны *быть чем-то*, и ничто не может быть унижено; его нынешнее состояние поставило его выше всякого смирения и всякой добродетели путем его превращения в Бога, так что его бессилие возникает как из-за его уничтожения и возвышения. У этих людей внешне нет ничего, что отличало бы их от других, за исключением того, что они никому не причиняют вреда; ибо, что касается внешнего вида, они очень заурядны и поэтому не привлекают внимания, но живут в состоянии тихого покоя, свободные от всяких забот и тревог. Они испытывают глубокую радость, возникающую из-за отсутствия всякого страха, или желания, или тоски, так что ничто не может нарушить их покой или умалить их радость. Давид пережил это, когда сказал: “Господь - мой свет и мое спасение, кого мне бояться? Господь есть сила жизни моей; кого мне бояться” (Пс. xxvii. 1).

Сердце, переполненное радостью, больше не смотрит на себя и не думает о себе; и его радость, хотя и велика, не является объектом созерцания. Душа находится в состоянии восторга и экстаза, которые не вызывают беспокойства, потому что Бог расширил ее возможности почти

до бесконечности. Те экстазы, которые вызывают потерю сознания, являются следствием человеческого несовершенства и, тем не менее, вызывают восхищение людей. Бог как бы вытягивает душу из себя, чтобы она могла затеряться в Нем; но поскольку у нее нет ни достаточной чистоты, ни силы, чтобы выдержать этот процесс, становится необходимым либо, чтобы Бог перестал таким образом вытягивать ее, что влечет за собой прекращение экстаза, либо чтобы природа уступила и умерла, что нередко случается. Но в этой воскресшей жизни экстаз длится не только несколько часов, но и вечно, без насилия или вариаций, поскольку Бог очистил и укрепил субъекта этого экстаза до степени, необходимой для того, чтобы он мог вынести это славное наслаждение. Мне кажется, что когда Бог выходит из Себя, Он создает экстаз, — но я не осмеливаюсь сказать этого из страха преподать урок по ошибке. Итак, я говорю, что душа, извлеченная из самой себя, испытывает внутренний экстаз; но счастливый, потому что она извлекается из самой себя только для того, чтобы утонуть и затеряться в Боге, оставив свои собственные несовершенства и ограниченные мысли, чтобы участвовать в делах Божьих.

О счастливое ничто! где заканчивается его блаженство? О нищие, измученные! как хорошо вам воздается! О невыразимое счастье! О душа! какую выгоду ты получила взамен всех своих потерь! Мог ли ты поверить, когда лежал в пыли, что то, что вызвало в тебе столько ужаса, могло принести тебе такое великое счастье, как то, которым ты сейчас обладаешь? Если бы тебе об этом сказали, ты бы не поверил этому. Познай теперь на собственном опыте, как хорошо уповать на Бога и что те, кто уповает на Него, никогда не будут посрамлены.

О покинутость! какую радость можешь ты принести душе, и какого прогресса она могла бы добиться, если бы нашла тебя с самого начала; от какой усталости она могла бы освободиться, если бы знала, как позволить Богу действовать! Но, увы! люди не желают отказываться от самих себя и уповать только на Бога. Даже те, кто, по-видимому, делает это и кто считает себя хорошо зарекомендовавшим себя в этом, оказываются брошенными только в воображении, а не в реальности. Они готовы отказаться от себя в одном и не отказываться от другого; они хотят пойти на компромисс с Богом и ограничить то, что они позволяют Ему делать. Они хотят сдаться, но на таких-то условиях. Нет, это не отказ. Полное отречение ни от чего не исключает, ничего не сдерживает: ни смерть, ни жизнь, ни совершенство, ни спасение, ни рай, ни ад. О бедные души! полностью отдайте себя этому забвению; вы получите от него только счастье и благословение. Смело идите по этому бурному морю, полагаясь на слово Иисуса, который пообещал взять на Себя заботу обо всех тех, кто потеряет свою собственную жизнь, и вверить себя Ему. Но если вы тонете, как Петр, приписывайте это слабости вашей веры. Если бы у нас была вера спокойно и без колебаний смотреть в лицо всем опасностям, чего хорошего мы бы не получили! Чего ты боишься, трепещущее сердце? Ты боишься потерять себя? Увы! несмотря на все, чего ты стоишь, какое это имеет значение? Да, вы потеряете себя, если у вас хватит сил вверить себя Богу, но вы потеряетесь в Нем. О счастливая потеря! Я не знаю, как достаточно повторить это. Почему я не могу убедить каждого совершить это отречение? и почему люди проповедуют что-то меньшее? Увы! мужчины настолько слепы, что считают все это глупостью, чем-то, подобающим женщинам и слабым умам; но для великих умов это слишком подло; они должны руководствоваться своей собственной скудной долей мудрости. Этот путь неизвестен им, потому что они мудры и рассудительны сами по себе; но он открыт младенцам, которые могут допустить, чтобы их самих уничтожили, и которые готовы быть движимыми Богом по Его воле, предоставляя Ему делать с ними все, что Он пожелает, без сопротивления, не считаясь с тем, что скажут другие. О, как трудно этому подобающему благоразумию стать ничем как в

собственных глазах, так и в глазах окружающих! Люди говорят, что их единственная цель в жизни - прославлять Бога, в то время как на самом деле это их собственное прославление. Но быть готовым быть ничем в глазах Бога, жить в полном самозабвении, в крайнем отчаянии от самого себя, отдавать себя Ему, когда они наиболее обескуражены, отдавать себя в Его руки и не смотреть на себя, когда они находятся на самом краю пропасти; это то, что так редко встречается, и именно это составляет совершенное самозабвение. Иногда в этой жизни происходят чудесные проявления для естественных чувств, но это необычно; это подобно Христу на горе Преображения.

ГЛАВА II.

СТАБИЛЬНОСТЬ, ПЕРЕЖИВАНИЯ, ВОЗВЫШЕНИЕ, ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ ЧИСТОТА И ПОКОЙ ДУШИ В СОСТОЯНИИ ЗАБРОШЕННОСТИ — ВСЕ ДЛЯ НЕЕ ЯВЛЯЕТСЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО БОГОМ — ЗА СВОЮ УТРАЧЕННУЮ СВОБОДУ ОНА ОБРЕТАЕТ СОСТОЯНИЕ БОГА, В КОТОРОМ ВСЕ БОЖЕСТВЕННО НАДЕЖНО, РАВНО И БЕЗРАЗЛИЧНО.

Душа, достигшая божественного состояния, является, как я уже сказал, непоколебимой скалой, стойкой ко всем ударам или потрясениям, за исключением случаев, когда Господь желает, чтобы она сделала что-то вопреки обычаю; тогда, если она не поддается Его первым побуждениям, ей приходится испытывать боль от принуждения, которому она не может оказать сопротивления, и она вынуждена с необъяснимой силой подчиняться Его воле.

Невозможно рассказать о странных доказательствах, которым Бог подвергает сердца, которые совершенно покинуты и которые ни в чем не сопротивляются Ему; и если бы я мог говорить о них, меня бы не поняли. Все, что я могу сказать, это то, что Он не оставляет им и тени чего-либо, что можно было бы назвать ни в Боге, ни вне Бога. И Он настолько возвышает их над всеми, теряя все, что ничто иное, как Сам Бог, будь то на земле или на небесах, не может остановить их. Ничто не может причинить им вреда, потому что для них больше нет ничего вредного по причине их союза с Богом, который, общаясь с грешниками, не оскверняется из-за своей сущностной чистоты.

Это более реально, чем я могу выразить: душа участвует в чистоте Бога; или, скорее, поскольку вся естественная чистота уничтожена, только чистота Бога существует в своем ничтожестве; но так истинно, что сердце находится в совершенном неведении о зле и бессильно совершить его, что, однако, не предотвращает возможности его падения; но это редко случается здесь, потому что глубокое ничтожество души не оставляет ничего, что можно было бы присвоить себе; и только присвоение может вызвать грех, ибо то, чего больше не существует, не может грешить.

Покой тех, кто находится в таком состоянии, настолько неизменен и настолько глубок, что ничто ни на земле, ни в аду не может нарушить его ни на мгновение. Чувства все еще восприимчивы к страданию; но когда они подавлены им и кричат от боли, если их спросить или если они исследуют самих себя, они не найдут в себе ничего, что страдало бы: посреди величайшей боли они говорят, что ничего не страдают, будучи неспособными признать, что они страдают, из-за божественного состояния блаженства, которое царит в центре или высшей части.

И затем происходит такое полное разделение двух частей, низшей и высшей, что они живут вместе, как чужие; и самые чрезвычайные неприятности не нарушают совершенный мир, безмятежность, радость и покой высшей части; как радость божественной жизни не предотвращает страдания низшей.

Если вы захотите приписать какую-либо доброту тем, кто таким образом преображен в Боге, они будут возражать против этого, не будучи в состоянии найти в себе ничего, что можно было бы назвать, подтвердить или услышать. Они находятся в полном *отрицании*. Именно это является причиной разницы в терминах и выражениях, используемых авторами по этому предмету, которые испытывают трудности в том, чтобы их поняли, за исключением тех, чей опыт согласуется с их собственным. Другим следствием этого отрицания является то, что душа, потеряв все, что было ее собственным, заменив Себя Богом, ничего не может приписать ни себе, ни Богу; потому что она знает только Бога, о котором она ничего не может сказать. Здесь все является Богом для души, потому что речь больше не идет о том, чтобы видеть все в Боге; ибо видеть вещи в Боге - значит различать их в Нем. Например, если я вхожу в комнату, я вижу все, что там есть, помимо самой комнаты, хотя бы это было помещено внутри нее; но если бы все это можно было преобразовать в саму комнату или же убрать из нее, я бы не видел ничего, кроме самой комнаты. Все создания, *небесные, земные или чистые разумные существа*, исчезают, и остается только Сам Бог, каким Он был до сотворения мира. Душа видит везде только Бога; и все есть Бог; не мыслью, зрением или светом, но тождеством условий и завершением единства, которое делает ее Богом благодаря участию, без ее способности видеть саму себя, мешает ей видеть что-либо где бы то ни было; она не может видеть сотворенное существо вне Несотворенного, единственное несотворенное Существо - все и во всем.

Люди осудили бы такое состояние, сказав, что оно делает нас чем-то меньшим, чем самое жалкое насекомое; и это происходит не из-за упрямства и твердости цели, а из-за бессилия вмешаться в самих себя. Вы можете спросить человека в таком состоянии: “Кто побуждает тебя делать то-то и то-то? Это Бог сказал тебе сделать это или открыл тебе Свою волю относительно этого?” Он ответит: “Я ничего не знаю и не думаю о том, чтобы что-то знать: все есть Бог и Его воля; и я больше не знаю, что подразумевается под волей Бога, потому что эта воля стала для меня естественной”. “Но почему ты должен делать это, а не то?” “Я не знаю: я позволяю вести себя Тому, Кто влечет меня”. “Почему так?” “Он привлекает меня, потому что я, не будучи больше ничем, уношусь вместе с Богом, и Он *один* влечет Меня. Он ходит туда-сюда; Он действует; а я всего лишь инструмент, которого я не вижу и не рассматриваю. У меня больше нет отдельного интереса, потому что, потеряв себя, я потерял всякий личный интерес. Я также не способен объяснить свое поведение, поскольку у меня больше нет поведения; и все же я действую безошибочно до тех пор, пока у меня нет другого принципа, кроме принципа Непогрешимого ”.

И это слепое самозабвение является постоянным состоянием души, о котором я говорю; потому что, став единым с Богом, она не может видеть ничего, кроме Бога; потому что, утратив всякую обособленность, самообладание и различие, она больше не может отказываться от себя, потому что, чтобы отказаться от себя, мы должны что-то сделать и иметь силу распоряжаться собой.

Душа находится в этом состоянии, “сокрытом со Христом в Боге” (Кол. iii. 3); *смешался* с Ним, как река, о которой мы говорили, смешалась с морем, так что ее уже нельзя разделить. У него есть морские приливы и отливы, но уже не по выбору, воле и свободе, а по природе: огромное море, поглотившее свои неглубокие ограниченные воды, участвует во всех морских движениях. Это море несет его, и все же оно не уносится, поскольку потеряло свое собственное бытие; и, не имея иного движения, кроме движения моря, оно действует так, как действует море: не потому, что оно естественно обладает теми же качествами, но потому, что, утратив все свои природные качества, оно не обладает никакими другими, кроме качеств моря, не имея возможности когда-либо быть чем-либо иным, кроме моря. Дело не в том, что, как я уже сказал, оно настолько не сохраняет свою собственную природу, что, если бы Богу было угодно, в одно мгновение оно могло бы быть отделено от моря; но Он этого не делает. Это также не утрачивает природы творения; и Бог мог бы, если бы Ему было угодно, выбросить это из Своего божественного лона; но Он этого не делает, и творение действует как бы божественно.

Но скажут, что с помощью этой теории я лишаю человека его свободы. Это не так; он больше не свободен, кроме как благодаря избытку свободы, потому что он добровольно утратил всю созданную свободу. Он участвует в нетварной свободе, которая ничем не ограничена; и свобода души так велика, так широка, что вся земля кажется ему пылинкой, которой он не ограничен. Оно свободно делать все и ничего не делать. Нет такого состояния, к которому оно не могло бы приспособиться; оно может делать все, и все же не принимает в этом участия. О великолепное состояние! кто может описать тебя, и чего тебе бояться или постигать? О Павел! ты мог бы сказать: “Кто отлучит нас от любви Христовой?” “Я убежден,” говорит великий апостол, “что ни смерть, ни жизнь, ни ангелы, ни начала, ни силы, ни настоящее, ни грядущее, ни высота, ни глубина, ни какая другая тварь не могут отлучить нас от любви Божией, которая во Христе Иисусе, Господе нашем” (Рим. viii. 35, 38, 39). Итак, эти слова “Я убежден” исключают всякое сомнение. Но на чем основывалась уверенность Павла? Она заключалась в непогрешимости одного только Бога. Послания этого великого апостола, этого мистического учителя часто читают, но редко понимают; однако весь мистический путь, его начало, его продвижение, его конец описаны святым Павлом и даже божественной жизнью; но немногие способны понять это, и те, кому дан свет, видят все это яснее ясного дня.

Ах! если бы только те, кому так трудно доверить себя Богу, могли испытать это на себе, они бы признались, что, хотя путь может быть трудным, один день этой жизни был достаточной компенсацией за годы тревог. Но какими средствами Бог приводит сюда душу? Способами, совершенно противоположными естественной мудрости и воображению. Он созидает, разрушая; Он дает жизнь, убивая. О, если бы я мог рассказать, что Он делает, и какие странные средства Он использует, чтобы привести нас сюда. Но тишина! люди не способны услышать это; те, кто испытал это на себе, знают, что это такое. Здесь нет нужды в месте или времени; все одинаково, все места хороши; и куда бы ни привел нас Божий приказ, это хорошо, потому что все средства бесполезны и бесконечно превзойдены: когда мы достигаем цели, нам больше нечего желать.

Здесь все есть Бог: Бог везде и во всем, и поэтому для души все одно и то же. Его религия - это Сам Бог, всегда один и тот же, никогда не прерывающийся; и если иногда Бог изливает какой-то поток Своей славы на его естественные силы и чувствительность, это никак не влияет на центр, который всегда один и тот же. Душа безразлична ни к одиночеству, ни к толпе: она больше не надеется на освобождение от тела, чтобы соединиться с Богом. Теперь оно не только

объединено, но и преобразовано, превращено в Объект своей любви, что заставляет его больше не думать о любви; ибо оно любит Бога Его собственной любовью, и естественно, хотя и не безобидно.

ГЛАВА III.

В КОТОРОМ ПОСРЕДСТВОМ СРАВНЕНИЯ ОБЪЯСНЯЕТСЯ ТО, ЧТО КАСАЕТСЯ СОВЕРШЕННОГО ЕДИНСТВА ИЛИ ПОДОБИЯ —ТАЙНЫ БОГА, ОТКРЫТЫЕ ЕГО СКРЫТЫМ, А Через НИХ — ДРУГИМ —ПОСТОЯНСТВО И ПРОГРЕСС ЭТОГО СОСТОЯНИЯ, ХОТЯ И ИЗМЕНЧИВОЕ—ЕСТЕСТВЕННАЯ СПОСОБНОСТЬ ДОЛЖНА БЫТЬ УТРАЧЕНА - СПОСОБНОСТЬ БОГА УЧАСТВОВАТЬ В ТРАНСФОРМАЦИИ СИЯЕТ БЕСКОНЕЧНО.

Мне приходит в голову сравнение, которое кажется очень подходящим к данной теме: это сравнение с зерном. Сначала его отделяют от шелухи, что способствует обращению и отделению от греха: когда зерно отделено и чисто, оно должно быть перемолото (скорбями, крестами, болезнями и т. Д.); Когда оно таким образом измельчено и превращено в муку, из него все равно нужно извлечь, но не то, что нечистое, поскольку оно исчезло, но все грубое, то есть отруби; и когда не остается ничего, кроме муки высшего сорта, тогда из нее делают хлеб для еды. Создается впечатление, что мука была загрязнена, почернела и испортилась; что у нее отняли ее нежность и белизну для того, чтобы из нее можно было приготовить пасту, которая гораздо менее красива, чем мука. Наконец, эта паста подвергается воздействию тепла огня. Теперь это именно то, что происходит с душой, о которой я говорил. Но после того, как хлеб испечен, он годен для уст царя, который не только соединяет его с собой, соприкасаясь с ним, но и ест его, переваривает, поглощает и уничтожает, чтобы он мог войти в его состав и стать частью его самого.

Вы заметите, что, хотя хлеб был съеден королем, что является величайшей честью, которой он может удостоиться, и является его завершением, все же он не может быть превращен в его субстанцию, если не будет уничтожен при переваривании, потеряв всю свою естественную форму и качество. О, как хорошо это описывает все условия души; состояние единения сильно отличается от состояния преображения, при котором душа, чтобы стать единой с Богом, преображенная и преображенный в Него, должна быть не только съедена, но и переварена, чтобы, потеряв все, что было ее собственным, она могла стать единой с Самим Богом: “Чтобы все они были едины, как Ты, Отче, во мне, и я в Тебе; чтобы они также могли быть едины в нас, я в них и Ты во мне, чтобы они могли стать совершенными в одном”. (Иоанна xvii. 21, 23). “Соединяющийся с Господом есть один дух” (1 Кор. vi. 17).

Это состояние очень мало известно, поэтому о нем не говорят. О состоянии жизни! как узок путь, ведущий к тебе! О, люби самого чистого из всех, потому что Ты - Сам Бог! О, любовь безмерная и независимая, которую ничто не может ограничить!

Однако, как я уже сказал, эти люди кажутся довольно обычными, потому что внешне их ничто не отличает, разве что бесконечная свобода, которая часто возмущает тех, кто ограничен и заточен внутри себя, кому, поскольку они не видят ничего лучшего, чем есть у них самих, все, что отличается от того, чем они обладают, кажется злом. Но святость этих простых и невинных,

которых они презируют, - святость несравненно более выдающаяся, чем все, что они считают святым, потому что их собственные дела, хотя и выполняемые с такой строгостью, обладают не большей силой, чем принцип, из которого они исходят, который всегда является усилием, хотя и возвышенным и облагороженным, слабого создания; но те, кто достиг божественного союза, действуют в Боге по принципу бесконечной силы; и, таким образом, их мельчайшие действия более приятны Богу, чем множество героических подвигов, совершенных другими, которые кажутся такими великими в глазах людей. Поэтому те, кто находится на этой ступени, не стремятся к великим свершениям, довольствуясь тем, что они такие, какими Бог делает их в каждый момент. Они делают больше, ничего не делая, для обращения королевства, чем пятьсот проповедников, которые не достигли этого состояния.

Однако иногда Бог позволяет познать этих людей, хотя и не полностью. Многие люди обращаются к ним за наставлением, которым они сообщают животворящий принцип, посредством которого еще многие обретаются для Христа; но это делается без заботы или беспокойства, по чистому Провидению. Если бы люди только знали славу, которую воздают Богу такие, как они, презируемые миром, они были бы поражены; ибо именно они воздают Богу славу, достойную Его Самого; потому что Бог, действуя как Бог внутри них, приносит им славу, достойную Его.

О, сколько христиан, вполне серафических по внешнему виду, далеки от этого! Но в этом состоянии, как и во всех других, есть души более или менее божественные. Бог прячет их в Своей груди и под покровом самой обычной жизни, чтобы они были известны Ему одному, хотя они и являются Его услугой. Здесь раскрываются тайны Бога в Нем Самом и в сердцах тех, в ком Он обитает; не словом, зрением или светом, но наукой о Боге, которая пребывает в Нем; и когда таким людям приходится писать или говорить, они сами с удивлением обнаруживают, что все проистекает из божественного центра, хотя они и не подозревали, что обладают такими сокровищами. Они находят себя в глубокой науке, без памяти или собирания; подобно бесценному сокровищу, которое остается незамеченным до тех пор, пока не возникнет необходимость в его проявлении; и именно в проявлении другим они находят откровение для себя. Когда они пишут, они с удивлением обнаруживают, что пишут о вещах, о которых они не знали и не считали себя знакомыми; хотя, когда они пишут, они не могут сомневаться в своем восприятии их. Это не так с другими христианами; их свет предшествует их опыту, поскольку человек видит издали то, чем он не обладает, и описывает то, что он видел, знал, слышал и т.д. Но это люди, которые хранят внутри себя сокровище, которое они не видят до тех пор, пока не проявятся, хотя оно и находится в их распоряжении.

Однако, в конце концов, это не совсем точно выражает ту идею, которую я хочу донести. Бог находится в этой душе; или, скорее, души больше не существует; она больше не действует, но действует Бог, и она является инструментом. Бог заключает в Себе все сокровища и проявляет их через эту душу другим; и таким образом, извлекая их из своего центра, он осознает их присутствие, хотя никогда раньше не задумывался о них. Я уверен, что любой, кто достиг этой степени, поймет, что я имею в виду, и легко различит разницу между состояниями, которые я описал. Те, кого я упомянул первыми, видят вещи и наслаждаются ими, как мы наслаждаемся солнцем; но остальные стали единым целым с самим солнцем, которое не наслаждается и не отражает свой собственный свет. Это состояние постоянно, и его единственным недостатком, насколько это касается его центра, является большее продвижение в Боге: и поскольку Бог бесконечен, Он может постоянно делать душу более божественной, увеличивая ее

возможности, подобно тому, как вода, о которой мы говорили, расширяется по мере того, как она теряется в море, с которым она непрерывно смешивается, никогда не покидая его. То же самое и с этими душами. Все, кто находится на этой ступени, имеют Бога, но некоторые в большей, а некоторые в меньшей степени. Все они полны, но не все обладают равной полнотой. Маленькая вазочка, когда она полна, так же наполнена, как и большая, но в ней разное количество. Итак, все эти души наполнены полнотой Бога, но это зависит от их способности к восприятию, которую Бог постоянно расширяет. Поэтому, чем дольше христиане живут в этом божественном состоянии, тем больше они расширяются, и их возможности становятся все более огромными, им не остается ничего, что можно было бы сделать или пожелать; ибо они всегда обладают Богом в Его полноте, и Он никогда не оставляет пустого уголка в их сердцах. По мере того, как они растут и ширятся, Он наполняет их Собой, как мы видим, воздухом. Маленькая комната полна воздуха, но в большой его больше. Если вы постоянно увеличиваете размер комнаты, в той же пропорции будет поступать воздух, безошибочно, хотя и незаметно: и таким образом, без изменения своего состояния или расположения и без каких-либо новых ощущений, душа увеличивается в возможностях и полноте. Но эта растущая способность может быть получена только в состоянии небытия, потому что в любом другом состоянии существует противодействие росту.

Возможно, здесь уместно объяснить то, что может показаться противоречием, когда я говорю, что душа должна быть сведена к нулю, чтобы перейти в Бога, и что она должна потерять все, что ей принадлежит; и все же я говорю о способности, которую она сохраняет.

Есть две возможности. Одно естественно для творения, и оно узко и ограничено: когда оно очищено, оно пригодно для получения даров Божьих, но не Самого Бога; потому что то, что мы получаем внутри себя, неизбежно должно быть меньше нас самих, подобно тому, как то, что заключено в вазу, должно быть меньшего размера, хотя и может иметь большую ценность, чем ваза, в которой оно находится.

Но способность, о которой я здесь говорю, - это способность расширяться и все больше и больше терять себя в Боге после того, как душа утратила свое присвоение, которое ограничивало ее саму по себе; и поскольку эта способность больше не ограничена, потому что ее уничтожение лишило ее всякой формы, она располагает душу течь в Бога, так что она теряет себя и течет в Того, кто за пределами понимания. Чем больше она теряется в Нем, тем больше она развивается и становится огромной, участвуя в Его совершенствах и все больше и больше преображаясь в Нем, подобно тому, как вода, сообщаясь со своим источником, постоянно смешивается с ним. Бог, будучи нашим изначальным источником, создал нас с природой, пригодной для объединения, преобразования и становления единым целым с Самим Собой.

ГЛАВА IV.

ПЕРВЫЕ ДВИЖЕНИЯ ЭТИХ ДУШ БОЖЕСТВЕННЫ — ИХ СТРАДАНИЯ ВЫЗВАНЫ НЕ ОТРАЖЕНИЕМ, А ВПЕЧАТЛЕНИЕМ — ВЕЛИЧИЕ ЭТИХ СТРАДАНИЙ, КОТОРЫЕ, ОДНАКО, НЕ МЕНЯЮТ ИХ ПОКОЯ ИЛИ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ИЗ—ЗА ИХ ОБОЖЕСТВЛЕНИЯ, КОТОРОЕ ПРОГРЕССИРУЕТ БЕСКОНЕЧНО, НО ПОСТЕПЕННО - ИХ ПОКОЙ НЕ НАРУШАЕТСЯ НИ ДОБРОМ, НИ ЗЛОМ, ПОСКОЛЬКУ БОГА НЕ БЕСПОКОИТ ВИД ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ГРЕХА, ВСЕ СПОСОБСТВУЕТ ЕГО СЛАВЕ.

Душе теперь ничего не остается, как оставаться такой, какая она есть, и без сопротивления следовать всем движениям своего Проводника. Все его движения исходят от Бога, и Он безошибочно направляет его. Это не так в низших состояниях, если только душа не начинает ощущать вкус центра; но тогда это не так безошибочно, и те были бы обмануты, если бы применили это правило к любому, кроме самого продвинутого состояния.

Долг этой души - слепо и рефлексивно следовать всем движениям Бога. Здесь всякое размышление изгнано, и душе было бы трудно предаваться ему, даже если бы она захотела этого. Но поскольку это может быть достигнуто усилием, следует тщательно избегать этой привычки; потому что только размышление обладает силой побудить человека уйти в себя и увести его от Бога. Теперь я говорю, что если человек не уйдет от Бога, он никогда не согрешит; а если он грешит, то это потому, что он ушел от Него, что может быть только результатом присвоения; и душа может вернуться из состояния покинутости только рефлекторным действием, которое было бы для нее адом, подобным тому, в который пал великий ангел, когда, самодовольно глядя на себя и предпочитая себя Богу, он стал дьяволом. И это состояние было бы более ужасным, поскольку то, что было достигнуто ранее, было более продвинутым.

Мне возразят, что страдание в этом состоянии невозможно не только для центра, но и для чувств, потому что для того, чтобы страдать, должно быть рефлекторное действие, и именно рефлексия составляет основную и наиболее болезненную часть страдания. Все это верно в определенном смысле; и поскольку фактом является то, что души, гораздо менее развитые, чем эти, страдают иногда от размышления, иногда от впечатления, я утверждаю, что верно также и то, что те, кто находится на этой ступени, не могут страдать иначе, чем от впечатления. Это не означает, что печаль не может быть безграничной и гораздо более сильной, чем та, которая отражается, поскольку ожог того, кто действительно соприкоснулся с огнем, был бы намного более сильным, чем у того, кто обжегся отражением огня. Это будет сказано, Но Бог может научить их посредством размышления, как страдать. Бог не будет использовать размышления для этой цели. Он может в одно мгновение показать им, что им приходится выстрадать, прямым взглядом, а не отраженным, как те, кто на небесах, видят в Боге то, что есть в Нем, и то, что переходит от Него к Его созданиям, не глядя на эти вещи и не размышляя о них, но оставаясь поглощенными и потерянными в Боге. Именно это вводит в заблуждение столько духовно мыслящих людей, которые воображают, что ничего нельзя ни познать, ни выстрадать иначе, как путем размышления. Напротив, такого рода знание и страдание очень незначительны по сравнению с тем, что передается другими способами.

Все такие страдания, которые можно выделить и познать, хотя и выражаются в таких преувеличенных выражениях, не равны страданиям тех, кто не знает о своих страданиях и не может признать, что они действительно страдают, из-за большого разделения между двумя частями. Это правда, что они испытывают сильную боль; это правда, что они ни от чего не страдают и что они находятся в состоянии совершенного удовлетворения.

Я верю, что если бы такая душа была отправлена в ад, она перенесла бы все жестокие пытки своей судьбы в полном удовлетворении из-за блаженства своего преображенного центра; и это причина безразличия, которое они испытывают ко всем условиям.

Как я уже сказал, это не мешает им испытывать крайние страдания, поскольку крайность страдания не препятствует их совершенному счастью. Те, кто испытал это на себе, вполне смогут понять меня.

Здесь все не так, как в пассивном состоянии любви. Там душа наполняется любовью к страданию и благоволению Бога; здесь это потеря воли в Боге из-за состояния обожествления, когда все является Богом, хотя и не признается как таковое. Душа утверждает своим состоянием в своем суверенном, неизменном благе. Оно пребывает в совершенном блаженстве, где ничто не может перечеркнуть его совершенное счастье, которое становится его постоянным состоянием; ибо многие обладают им временно или знают его временно, прежде чем оно станет их постоянным состоянием. Бог дает сначала знание об этом состоянии, затем желание этого; затем Он дает это смутно и нечетко; и, наконец, Он делает это нормальным состоянием и утверждает душу в нем навсегда.

Будет сказано, что когда душа однажды утвердится в этом состоянии, для нее больше ничего нельзя будет сделать. Все как раз наоборот: всегда есть бесконечность, которую нужно совершить со стороны Бога, а не со стороны творения. Бог не делает жизнь божественной сразу, а постепенно. Тогда, как я уже сказал, Он расширяет возможности души и может постоянно обожествлять ее все больше и больше, поскольку Бог - это непостижимая глубина.

О Господи! “как велика благодать Твоя, которую Ты приберег для боящихся Тебя!” (Пс. xxxi. 19).

Именно вид этого состояния блаженства вызывал у Давида столь частые восклицания после того, как он очистился от греха.

Но в заключение я говорю, что этих людей не может беспокоить грех, потому что, хотя они бесконечно ненавидят его, они больше не страдают от него, видя его таким, каким видит его Бог; и хотя, если бы это было необходимо, они отдали бы свои жизни, чтобы предотвратить совершение хотя бы одного греха, если бы Бог так пожелал, они находятся без действия, без желания, без склонности, без выбора, без нетерпения, в состоянии полной смерти, видя вещи только такими, какими их видит Бог, и оценивая их только Божьим судом.

КОНЕЦ.